

БЕН ЭЛТОН

18+

#ВИНТЕРНЕТЕКТО-ТОУБИТ #ВРЕМЯСАМООПРЕДЕЛЕНИЙ
#ОТХЕШТЕГАСЛЫШУ #СЕКСОБИДАИНТЕРНЕТ
#НАСВСЕХЗАБЫЛИСПРОСИТЬ
#РУССКИЕПРАВЯТБАЛ

ph

КРИЗИС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

РОМАН

Бен Элтон

Кризис самоопределения

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51575411

Кризис самоопределения: Фантом Пресс; М.; 2020

ISBN 978-5-86471-844-5

Аннотация

Бен Элтон возвращается, и опять в своем несравненном амплуа сатирика с кинематографическим зрением. Его новая книга – бескомпромиссный роман об “эпохе оскорбленных”, в которую мы живем. Мы и не заметили, как миллионы людей начали круглосуточно выяснять отношения, обижаться на то и на это, оскорбляться по поводу, без повода и просто для удовольствия. В социальных сетях нынче сплошное кровопролитие. Сдвинув время всего на несколько лет вперед, Элтон моделирует возможное развитие событий в Британии в ближайшем будущем, и по его версии, кровопролитие запросто может выплеснуться из проводов на тротуары. Скотленд-Ярд, референдум по выходу Англии из состава Королевства, международные махинации и вмешательства в дела суверенных демократий, все цвета спектра гендерной радуги, МеТоо, убийства, самоубийства, интернет, телевидение – вот лишь немногие хештеги, по которым запомнится этот роман. Элтон не

дает пощадь лицемерам всех мастей, которые, похоже, захватили политику, социальные сети, СМИ и шоу-бизнес.

Содержание

1. #НеЕеВина	6
2. Числогрыз	17
3. Профессиональное покаяние	27
4. #ГордыйМужинист	34
5. “Пожалуйста, ну давайте не будем говорить об этом долбаном референдуме”	37
6. #НеСтолбиНочлегУМракобеса	47
7. Телефонист-разводчик	50
8. ЛюбОстров, по буквам: Эл-Ю-Бэ-О	64
9. Приручение цайтгайста	69
10. Тело в выдвижном ящике	75
11. Они теперь и флирт объявят вне закона!	83
12. Наплюй на херню	96
13. #НеОК	103
14. На Острове любви грядут бури	104
15. Местоимение имеет место	113
16. Побудочка	120
17. Поцелуй – это просто поцелуй	131
18. #НикакихОттенковСерого	139
19. Насмерть знаменитый	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Бен Элтон

Кризис самоопределения

*Моей жене Софи и нашим детям – Берту,
Лотти и Фреду*

Copyright © Ben Elton, 2019

First published as Identity Crisis by Transworld Publishers, a part of the Penguin Random House group of companies.

© Ш. Мартынова, перевод, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2019

© “Фантом Пресс”, издание, 2020

1. #НеЕеВина

Старший инспектор отдела уголовного розыска Майкл Мэтлок наблюдал за собой с тошнотворным отвращением, какое охватывало его всякий раз, когда приходилось оценивать собственные появления в средствах массовой информации. Никак не мог он привыкнуть к тому, до чего старо смотрится. К тому, что вот это морщинистое нечто пятидесяти с лишним лет от роду он сам и есть.

Нельзя сказать, что ему не нравился собственный внешний вид. На самом деле он втихаря считал, что по-прежнему очень даже. Все еще подтянутый, все еще четкий. Рок-н-ролл все еще при нем. Народ говаривал, что он немного похож на Эджа из “Ю-Ту”¹, но это, видимо, просто потому, что Мэтлок носит такую же, как у Эджа, шерстяную шапочку. Но на брифинге для прессы в шерстяную шапочку не нарядишься. В помещении-то, уж во всяком случае.

Приходится признать: лысеешь.

“Жертву звали Сэмми Хилл, – произносил Мэтлок. – Молодая женщина, на нее напали и убили ее вскоре после полуночи, когда она шла по Конуэй-парку”.

Он слышал, как изображает по такому случаю свой те-

¹ Дэвид Хауэлл “Эдж” Эванс (р. 1961) – музыкант, гитарист, клавишник и основной бэк-вокалист ирландской рок-группы “Ю-Ту”, урожденный валлиец. – *Здесь и далее примеч. перев.*

лефонный голос. Пытается подкрепить “з” и тормознуть на всех глоттальных. Можно подумать, для ужасного сообщения, которое ему по долгу службы приходится оглашать, его родному килберн-хай-роудскому выговору недостает вескости. Как преподносить новости, которые никому не хочется слышать? Какими словами или тоном можно вообще прикасаться к печали и ярости, что почувствуют зрители от этих новостей? К невыразимой досаде от ужасной неизбежности всего этого? Сколько подобных заявлений ему приходилось делать за годы? Всю жизнь в полиции, а ничего ж не меняется.

“Жестокое убийство. Зверский, бессмысленный поступок. И мы желаем заверить общество, что делаем все от нас зависящее, чтобы поймать злоумышленника. Однако убийца пока на свободе, и хотя мы не можем исключить возможность, что Сэмми знала своего обидчика, судя по некоторым признакам, нападение было случайным. Угораздило человека, что называется, не вовремя”.

Помощник заместителя комиссара полиции ткнул в клавишу на ноутбуке. Картинка застыла. Мэтлок в тот миг как раз переводил дух, но смотрелся так, будто воеет. Как фигура с картины “Крик” Эдварда Мунка. С поправкой на то, что *настолько* лысым Мэтлок не был и уши ладонями не зажимал.

Но ужаснулся не меньше. И растерялся тоже.

Странное это дело: стоп-кадр словно бы содрал с Мэтло-

ка маску и запечатлел испуг, гнев и мучительное бессилие, до этого скрытые за энергичным тоном и официальнойностью. Мэтлок чувствовал себя на той пресс-конференции в точности как существо с полотна Мунка. На всех подобных пресс-конференциях он чувствовал себя так. Всего лишь человек он, никуда не денешься.

– “Угораздило не вовремя”?

Помзамкомиссара полиции говорил медленно. Холодно. Для Мэтлока дело запахло керосином, но Мэтлок не понимал с чего.

– Ага. Очень прискорбно, сэр, – за неимением никакого другого ответа согласился Мэтлок.

– Вы что имели в виду?

– Что я имел в виду?

– “Угораздило не вовремя”. Что вы имели в виду?

Мэтлок ощутил легкий прилив гнева. Захотелось сказать: “Нуачо!” – как вечно говорила ему дочка его подруги Нэнси, подросток. Захотелось сказать, что, блин, очевидно же, что он имел в виду. Что место этой несчастной женщины на земле оказалось мишенью катастрофического случайного вторжения. Все равно что метеорит рухнул на нее с неба. Что жизнь ужасна, жестока и совершенно, космически несправедлива, а угрюмая и жуткая истина – в том, что подобное могло бы случиться с любой женщиной. Захотелось сказать, что пересеклись дорожки невинной жизни и жизни злобной и психотической.

– Я подчеркивал случайность этого нападения, сэр, – тихо ответил Мэтлок. – Практически уверен, что это не семейные разборки. На мой взгляд, убийца просто наткнулся на свою жертву. Плюс-минус пять минут – и попалась бы другая девушка. Я считаю важным донести это до людей.

– Я не об этом спрашиваю, Мэтлок.

– Тогда я не понимаю, *о чем* вы спрашиваете, сэр.

– Правда?

– Правда. – И действительно не понимал. Мэтлоку совершенно невдомек было, к чему это все.

– Конуэй-парк – общественное место, верно? – спросил помощник замкомиссара.

– Да.

– И, насколько мне известно, в этой стране нет комендантского часа.

– Комендантского часа? Не слыхал, нет.

Хрупкое хладнокровие помощника замкомиссара полиции наконец рвануло.

– Тогда какого же хрена вы говорите людям, что эту женщину угораздило не вовремя? Феерический, *феерический* вы придурок!

Феерический придурок? Он что, действительно так и сказал? С каких это пор помощники замкомиссара полиции стали выражаться, как школьники? С тех пор как так стали выражаться премьер-министры, предполагал Мэтлок.

– Ну, – начал он, – я же говорю, я не буквально. Пытался

указать на случайность...

Помощник замкомиссара еще раз ткнул в клавишу, и беззвучно вопивший образ гнева и растерянности содрогнулся и ожил, вновь облекшись маской уверенного, спокойного, надежного полицейского.

“К сожалению, приходится допускать, что этот человек, скорее всего, нападет опять. Соответственно, призываю всех женщин в этом районе быть предельно бдительными. Планируйте дорогу домой заранее, по возможности избегайте безлюдных кварталов. Старайтесь перемещаться парами...”

В клавиатуру ткнула другая рука. С ярко-красными точечными ноготками.

– Господи, Мик! Такое впечатление, будто ты говоришь, что это она сама виновата.

Ой бя. Дошло наконец. Действительно получилось похоже на то.

Дженин Тредуэлл – из Скотленд-Ярда, руководитель отдела по связям с общественностью и медиа. Мик Мэтлок – старший инспектор убийного отдела Скотленд-Ярда. Они друг с дружкой почти всегда ладили. Но явно не в этот раз.

– Ты действительно так думаешь? – спросила она.

– Да! – рявкнул помощник замкомиссара полиции. – *Вы в самом деле таковы?*

– Послушайте. Я просто хотел...

Но вопрос был, очевидно, риторическим.

– И все-таки? – настаивал помощник замкомиссара, упи-

ваясь возможностью засветить всем доказательство собственной прогрессивности. – Вы из таких, которые считают, что девушке не надо было и соваться в тот парк?

– Нет! Я просто...

– Эта женщина не виновата в том, что на нее напали, Мик, – проговорила Дженин. – Виноват напавший.

Тон у нее был помягче, но задевал он Мика сильнее, чем фарисейский выпендрож помощника замкомиссара. Она права. Ну конечно, права. Ему стало стыдно за дурацкий выбор слов – и он смутился от того, что Дженин решила, будто он даже не понимает своей ошибки.

– Да, Дженин, я целиком и полностью это понимаю, но...

– Но тем не менее! – встрял помощник замкомиссара, уже едва не вопя. – Вы оказались в телеэфире и сообщили половине населения этой страны, что если им не хочется, чтобы их грохнули, пусть держатся подальше от городских парков после наступления темноты, иначе их угораздит не вовремя. Вы в каком *веке* живете?

Мэтлок оставил попытки объясниться. Действительно надо было сформулировать получше.

– Извините, – сказал он и обратился к Дженин: – Надо полагать, отделу по связям с прессой разгрести тут будь здоров сколько.

– Боюсь, да.

– Глупость сморозил.

– Есть немножко, – подтвердила Дженин.

– Чудовищная, *чудовищная* тугоухость, – добавил помощник замкомиссара, праведно негодуя.

– Можно я вернусь к расследованию? – спросил Мэтлок. – Перед тем как меня сюда вызвали, я намеревался осмотреть труп.

– К расследованию? Да боже упаси, – отрезал помощник замкомиссара. – Уж точно не раньше, чем эта жуткая лажа полностью выдохнется.

Мэтлок развернулся и вышел. Он допустил промашку – и понимал это, но недосуг ему беседовать со старшим сотрудником полиции, употреблявшим в речи понятие “выдохнуться” применительно к чему угодно, кроме газированных напитков.

Он вернулся в Оперативный штаб. Мэтлок обожал свой Оперативный штаб. Тамошнее напряжение, суматоху. Чувство общей цели. Мерцающие экраны, стрекот клавиш. Звонящие телефоны. Кипящие чайники. Скрипящие мозги. Вот где все делом заняты. Вот где забивают гвоздь по шляпку. Защищают невинных. Карают виноватых. Отдел уголовного розыска Скотленд-Ярда, сердце города. Вот где они станут ловить мерзавца-психа, убившего Сэмми Хилл.

– Да вы в тренде, шеф, – сказал сержант угрозыска Бэрри Тейлор, отрывая взгляд от своего телефона. – Прямо номер один! #НеЕеВина.

Вокруг добродушно заплодировали.

Мэтлок коротко поклонился. Никогда не стоит дергаться

при своих ребятах. Он читал “Гардиан”. Понимал, что и язык меняется, и нравы. И совершенно не сомневался в том, что все к лучшему. Но *до чего ж* легко здесь промахнуться.

– Кажись, все чуток негативненько, – продолжил Тейлор. – У народа в голове не помещается, как это вы могли сказать, что зря та девушка вообще оказалась в парке.

– Я не говорил...

– Вы сказали, что ее угораздило не вовремя, шеф, – напомнил ему Тейлор, широко улыбаясь. – В какую часть этой фразы я не врубаюсь?

– Это фигура речи, Бэрри. А контекст как же? Контекст теперь *хоть кого-то* вообще парит?

– Нет, шеф, – встряла констебль угрозыска Сэлли Клегг. – Никого не парит. Вам бы надо к этому привыкнуть.

Тейлор и Клегг были Мэтлоку ближайшими коллегами. Его основной группой. Здоровый контраст – эта парочка. Тейлор – нахальный и уверенный в себе, слегка “котяра”, но ему хватало обаяния и ума, чтобы (как правило) выходить сухим из воды. У Клегг самоуверенность так явно не перла, но стержень имелся – и был ей необходим: в команде она была младшей, да еще и женщиной. Отдел уголовного розыска – мир уже теперь не исключительно мужской, но женщины по-прежнему оставались в очевидном меньшинстве.

– Ух ты. – Тейлор нахмурился. – А вот это плохо.

– Что? Что “плохо”? – спросил Мэтлок.

– Мэр Лондона призывает вас либо извиниться, либо по-

дать в отставку. Всамделишный *мэр*. У него это под тегом #НасилиеБедаМужчин.

– Насилие? Кто сказал хоть что-то про насилие? Мы ничего про насилие не говорили.

Тейлор пожал плечами.

– Похоже, он это просто допустил.

У Мэтлока пискнул телефон. Прилетело сообщение от Нэнси: “Какого хера ты натворил? Ты в новостях”.

Мэтлок включил общий служебный телевизор. “Новости-24” Би-би-си. Только о нем и разговоров. Всевозможные представительницы женских объединений и кризисных центров, а вдобавок к ним члены парламента обеих палат единодушно осуждали его отвратительную “тугоухость в обвинении жертвы”.

“Подавляющее большинство изнасилований и сексуальных домогательств совершают мужчины, – уверенно заявлял парламентарий-мужчина, представитель избирательного округа, к которому относился Конуэй-парк. – Если мы хотим оградить женщин, ставить под сомнение нужно то, что определяет нравы и выбор *мужчин*”.

Мэтлок внезапно рассердился. Он понимал, что если посмотреть на все шире, парламентарий говорит по делу, но дело это общественно-политическое, а у Мэтлока тут расследование убийства. Он что, парламентарий этот, действительно думает, что безопасности его избирательниц будет полезнее, если полиция призовет убийц и насильников пересмот-

реть свои умонастроения?

– Это, блин, безумие какое-то, – сказал он. – И опасное к тому же.

– Да ладно, шеф, – злорадно отозвался Тейлор. – *Патриархальная вседозволенность – коренная причина женской уязвимости.*

Он цитировал недавний свод рекомендаций полицейским и с удовольствием наблюдал, как шеф в узлы вяжется на тему того, что сам он считал “дурдомом политкорректности”.

– Да так и есть, Бэрри, – насупленно сказала Клегг. – А что, блядь, еще? Мы ж не *сами себя* лупим, между прочим.

– Ну начинается, – проговорил Тейлор с деланой усталостью.

– Ты права, Сэлли, – сказал Мэтлок. – Патриархальная вседозволенность совершенно точно есть коренная причина женской уязвимости. Так было с тех пор, как пещерный человек втащил женщину за космы в пещеру. Но если просто желать вслух, чтоб оно было не так, ничего не изменится.

– Умоляю, только не говорите этого в своем заявлении, шеф, – отозвалась Клегг. Начальника она обожала и от души надеялась, что он не вляпается еще сильнее.

– Не говорить чего?

– Что мужчины – пещерные люди, а женщинам лучше бы смириться с этим.

– Да я *не* это сказал... Заявление? Какое, блин, заявление?

– Ну, они явно заставят вас выступить с заявлением. При-

дется вам выйти с полным *меа culpa*².

– Не собираюсь я ни за что извиняться – и уж точно никаких заявлений делать не буду. Мне убийство надо расследовать.

Клеgg с Тейлором поглядели на него с усталой жалостью.

– Да ну само собой, вы сделаете заявление, – произнесла Клеgg. – Вы в каком *веке* живете?

– Ну раз уж ты спросила, Сэлли, подумываю перебраться в двадцатый. Для начала, там музыка лучше.

² Моя вина (*лат.*).

2. Числогрыз

– Пишу алгоритмы. – Малика Раджпут объясняла своей маме Насрин в неведомо какой по счету раз, чем *именно* она занимается.

– Я знаю, ты мне это уже говорила, милая, но давай еще раз: что такое алгоритмы?

Малика вздохнула.

– Математические уравнения, которые берут задачу, задают ей некоторый набор вопросов наиболее эффективным способом и находят решение.

– Математическое уравнение способно задавать вопросы?

Никогда толком не понять этого маме Малики.

Впрочем, кое-что Насрин Раджпут понимала отчетливо: ее дочь, всего лишь прошлым летом окончившая учебу, нашла в Лондоне высокооплачиваемую работу. В городе, который, как и вся остальная страна, пребывал в глубоком финансовом кризисе, но жить в нем тем не менее выходило накладно почти для кого угодно.

– Чудесно, что мы можем встречаться вот так за обедом, дорогая, – что ты вернулась в Лондон. Столько девочек, с которыми ты училась, разлетелись по всей стране. Да и за рубеж. Ищут, где б “нашибать”, насколько я понимаю. Кое с кем из мамочек общаюсь до сих пор, они дочек не видят по-

что совсем. Сплошной Скайп. Как у нас с тобой было, пока ты куковала в Оксфорде. Как же нам повезло. Единственная из вашей старой компании, кто сумел найти себе работу в городе, – Сэлли. Помнишь Сэлли Клегг?

– Конечно, помню, мам. Мы ж подружками были. И по-прежнему дружим. Ну вроде того. В смысле, в Фейсбуке – такое вот.

– Еще и следователь в полиции. Ишь как. Ты же наверняка в курсе, что она лесбиянка?

– Да, мама. Я знаю, что она лесбиянка. Я это знала, еще когда нам по четырнадцать было.

– Не представляю, как даже ей самой это могло быть известно в том возрасте, дорогая. Это же такое важное решение, разве нет?

– Вряд ли она считала это решением, мам. Это просто так вот.

– Ну, я ни разу не слышала, чтобы ты об этом говорила.

– Это потому что Бананы.

– Какие бананы?

– У нас шифр такой был. Она не хотела, чтобы об этом знал кто-то еще. Вот мы и завели себе шифр. Когда ей надо было поговорить по секрету, она произносила слово “бананы” – предупреждала меня так.

– А почему бананы?

– Понятия не имею. А почему вообще что угодно? Просто значило “секрет”.

– Ну короче. Удачи ей. *Вив ля дифференс!*³ И тебе удачи – в твоей новой увлекательной жизни!

Мама Малики подняла стакан диетической колы. Своей девочкой она по-настоящему гордилась. Такая уравновешенная, такая красивая. Когда Малика впервые проявила необычайные математические способности, Насрин с мужем встревожились, что дочка вырастет невзрачной занудой, а получилась красивая молодая женщина. Волосы, макияж всегда безупречны. Стильная, модная одежда. Настоящая сердцеедка. Пока, надо признать, без бойфренда, но, если честно, Насрин это радовало. Парочка довольно бешеных мальчишек в Оксфорде была, и Насрин их *не* одобрила. Для романов времени впереди навалом. А сейчас ее блистательной дочери надо бы сосредоточиться на своей блистательной карьере. Единственный минус, какой усматривала Насрин, состоял в том, что у компании, где работала Малика, название было нелепейшее.

– Ну вот правда – “Сэндвич-коммуникации”? Да что это вообще *значит*?

Слово “сэндвич” не давало маме Малики покоя. Да и Малику оно сбивало с толку. Да что уж там – она считала, что название ужасное, хоть и сама показательно ликовала и выбрасывала кулак вверх всякий раз, когда директор по внешней политике выкрикивал это слово на мотивационных собраниях компании.

³ Да здравствуют различия (*фр.*).

“Сэндвич-коммуникации! Йе-е-е, блин! *Даеть*, чуваки!”

Стыдобища, но все равно пустяковая цена за самую настоящую работу мечты. Работу, где математику сделали сердцем коммерции, средством распределения *идей* и их управления. Работу, которую, что еще важнее, необычайно хорошо оплачивали. Малике нравилось быть необычайно хорошо оплачиваемой.

– Сэндвичи, – пояснила она с усталым вздохом, – состоят из нескольких ингредиентов, сложенных один на другой. Вот как сегодня ты заказала холодную говядину, сыр и соленые огурчики.

– Я всегда это заказываю.

– Помолчи, мам, я объясняю. А я заказала с бри, клюквой, кресс-салатом, солью и перцем. Из разных ингредиентов получаются разные сэндвичи. Пока понятно?

– Очевидно, дорогая. Я не идиотка, что бы там ни рассказывал тебе твой отец.

– Но сэндвич не сводится к внутренним составляющим, это еще и два кусочка хлеба, верхний и нижний. Назовем их задачей и решением.

– Зачем?

– *Не* задавай этот вопрос, мам. Каждый раз, когда мы об этом заговариваем, я прошу тебя не задавать этот вопрос. Не я дала название компании, в которой работаю, и не я отвечаю за то, что это название – адски натянутая метафора сэндвича, которая никуда не годится ни на каком уровне. Ну как, ты

помолчишь и дослушаешь уже наконец?

– Ладно. Ладно.

– Итак, вот у тебя два куска хлеба. Задача и ее решение. Задача – верхний кусок хлеба – продать твой продукт. Решение – нижний кусок хлеба – найти людей, которые хотят его купить. Мы делаем это для них – благодаря нашим слоям в промежутке.

– Говядине, сыру и соленым огурчикам.

– Именно. Алгоритмы, которые пишу гениальная я. Например, клиент приходит к нам и говорит: “Я печатаю бумажные словари”.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к сэндвичам.

– Это потому что я тебе еще не объяснила.

– Ну так давай уже.

Малика глубоко вдохнула.

– Сообщество людей, пользующихся бумажными словами, – рынок маленький и своеобразный. Нашему клиенту реклама в газетах не по карману, да и газет в наше время все равно никто не читает.

– Мы с папой читаем.

– Помимо вас с папой. Да и если б читали, бюджет на маркетинг у нашего заказчика уйдет на то, чтобы достучаться до миллионов читателей, 99,99 процента которых никогда в жизни уже не станут покупать бумажную версию словаря, потому что любое слово можно посмотреть в телефоне. Невероятно неэффективный метод коммуникации, короче, – ду-

маю, ты с этим согласишься.

– Виден ли уже конец этой истории, дорогая моя?

– Да, виден! Помолчи и дослушай!

– Не надо грубить. Я все еще тебе мать, при всей твоей громадной зарплате.

Малика отхлебнула капучино.

– Нашему клиенту нужно отыскать ту малую группу населения, которая *все еще* пользуется бумажной справочной литературой, или – что самое главное, потому что, скажем прямо, большинство тех, кому нравится пользоваться словарем, уже его себе завели, – кого можно убедить обновить версию, которая у них есть и, как им *казалось*, их вполне удовлетворяет. “Сэндвич-коммуникации” могут это устроить. Наши поисковые движки начинают с того, что беспрестанно просеивают социальные сети и собирают личные данные.

– В смысле – шпионят?

– Не шпионят, мама. Это просто цифровой эквивалент наблюдения за людьми.

– Ой, брось, милая.

– Да так и есть. Вот как мы сейчас сидим и наблюдаем за обедающими. Собираем данные о них и используем эти данные, чтобы составить мнение о характерах этих людей. Этим я и занимаюсь в сети.

– Разница в том, что мы смотрим на какую-нибудь парочку и говорим: “О-о, у этих романчик” или “Ты глянь, что она заказала, – я б ни за что не стала вегетарианкой”, но

не используем эту информацию, чтобы заваливать таких людей рекламой парной психотерапии или вегетарианских поваренных книг.

Малика начала раздражаться. Ее мама была из поколения, где таким женщинам, как она, не вредило изображать некоторую прелестную бестолковость, чтобы их мужья чувствовали себя умными. Однако Насрин Раджпут была не на шутку проницательной. И это действительно чуточку раздражало. А умной полагалось быть Малике.

– Ты хочешь, чтобы я объяснила тебе название компании, в которой работаю, или нет? – спросила она.

– Сомневаюсь, что у тебя получится.

Малика допила кофе. Понадобится еще один.

– Ладно. Возьмем человека, которому нужно найти клиентов для своих книг.

– Для бумажных словарей. Так.

– Ну и вот, чтобы найти ему покупателей, мы собираем случайные данные и анализируем их, сравниваем и сопоставляем миллиарды постов, лайков и поисковых запросов онлайн. Задав правильные вопросы на вершине сэндвича, мы способны определить тех, кто – внизу сэндвича – входит в сообщество людей, покупающих бумажные словари. Они никогда не ищут себе новый словарь, потому что их вполне устраивает тот, который у них уже есть, но по остальным их предпочтениям – например, по их поискам других ретропродуктов, таких как виниловые пластинки, или по их *от-*

казу искать обновления текстовых программ – мои алгоритмы способны отыскать вероятных пользователей бумажных словарей, и мой клиент сможет заваливать этих конкретных людей рекламой новеньких словарей.

Тут как раз принесли еду.

– А! – сказала мама Малики. – Настоящие сэндвичи. Мило.

– Но в основном мы занимаемся политическими выборами, – продолжала Малика. – Если ведешь политическую кампанию, бюджет хочется тратить так, чтобы доносить свои идеи до той части населения, которая будет к ним наиболее восприимчива. Не тем, кто и так собирается за тебя голосовать, и уж точно не тем, кто ни в какую голосовать за тебя не станет. Интересны те, кого можно *уговорить* за тебя голосовать. Вот, допустим, иммиграция, судя по всему, – центральная тема любых выборов, где угодно, так?

– Понятное дело, – печально отозвалась мама Малики. – Помню те дни, когда нам казалось, что оно потихоньку пройдет.

– Вы, значит, были обалденно наивные, мам. Никогда оно не пройдет. Ну в общем. Время выборов, и все сосредоточились на иммиграции. Вот есть у нас партия мультикультуралистов, которая пытается мотивировать людей прийти и проголосовать за открытые границы. Кто их целевая аудитория? Вероятно, нет смысла показывать рекламу тем, кто лает по антисемитским сайтам в сети.

– Нужны те, кто искал сведения для отпуска в Индии, правильно?

– Молодчина, мам! Но мои алгоритмы гораздо тоньше. Не забывай: мы ищем *колеблющихся* избирателей. Нам незачем тратить время на людей, которые уже все решили. Например, тот мужик, который по антисемитским сайтам, почти наверняка против иммиграции – он, может, даже расист. Если бы мне нужно было искать людей, которых можно *уговорить* голосовать против иммиграции, этим гражданином я бы пренебрегла. Я ищу людей, которые совершенно не считают себя расистами, но где-то в глубине души, возможно, все же чуточку расисты.

– Думаю, на самом деле мы все такие.

– Вот мои алгоритмы и выискивают намеки на такое. Среди мужчин я ищу таких, которые немножко ностальгичные и про ретро, любят карри, но и к старой английской кухне тяготеют. Может, слегка про всякую военную историю, книжки про Черчилля покупают, режутся в исторические онлайн-войнушки. Ностальгируют по музыке своей юности – такие вот. Необязательно *отдаленно* настоящий расист, просто человек, который ощущает себя слегка неприкаянным. Из таких, кто мог бы откликаться на посты – “собачьи свистки”⁴, намекающие на исчезновение традиционной ан-

⁴ Политика “собачьего свистка” – обмен сообщениями политической направленности с использованием системы кодов и шифров, которые имеют один смысл для населения в целом, но одновременно – дополнительный смысл для целевой аудитории. Фраза часто носит негативную коннотацию. Название имеет анало-

глийской культуры.

– И ты умеешь разбираться с этим при помощи математики?

– Да.

– И сейчас ищешь людей, которых можно убедить быть немножко расистом, Малика? И в том, что английская культура исчезает? Или это просто пример, как с бумажным словарем?

Малика отвела взгляд.

– Я нам клиентов не выбираю, мам.

гию с собачьим свистком, высокочастотный звук которого слышат собаки, но для людей он неуловим.

3. Профессиональное покаяние

Мик Мэтлок вышел на перерыв. Съесть кулек картошки с солью и уксусом, послушать Пола Уэллера⁵ на Спотифае и полазать по сайту исторических онлайн-игр.

Он был слегка раздражен.

Компания “Боевое ремесло Британии”, создатель игр в режиме виртуальной реальности, основанных на подлинных британских баталиях, объявила, что, начиная с грядущей игры по битве при Эдингтоне (878 год н. э., англосаксы против викингов), в армии с обеих сторон они введут больше воинов-женщин. Это горячо оспариваемое решение опиралось на некую остро полемическую историческую работу одной кембриджской аспирантки по имени Крессида Бейнз. Она утверждала, что в битвах на Британских островах на протяжении многих веков участвовало гораздо больше воительниц (и цветных воинов), чем ранее было принято считать, и белые летописцы-мужчины их вкладом в историю своевольно пренебрегали. Чуткая к переменчивой природе “общенациональной повестки дня” компания “БРБ” решила соответственно подправить гендерный баланс в своих играх.

Мика Мэтлока это раздражало, никуда не денешься. Он

⁵ Джон Уильям “Пол” Уэллер (р. 1958) – британский рок-музыкант, автор песен, певец, гитарист, фронтмен (1979–1982) британской рок-группы *The Jam* (1975–1982).

понимал, что зря это. Считал себя феминистом. У него на стене в Хендонском полицейском колледже висел постер с Энни Леннокс. Мик познакомился с Нэнси, охраняя женский марш протеста “Вернем себе ночь”⁶. Уж кто-кто, а он-то не возражает – пусть “БРБ” лепит воительниц среди саксов и викингов сколько влезет. Может, это даже хорошо. Полезная мелочь в общественных настройках. Все равно что не подсовывать маленьким девочкам исключительно розовые игрушки. Но Мик безуспешно пытался смириться с тем, что подобное развитие событий соответствует исторической правде, а не вопиющему ревизионистскому самообману, каковым совершенно явно было. Мэтлок толком не понимал, почему это не дает ему покоя. Обсудил с Нэнси – она тоже не постигала, отчего ему на это все не насрать целиком и полностью, но никуда не денешься: не насрать.

Тут у Мэтлока зазвонил телефон, и ему пришлось вытащить Пола Уэллера у себя из ушей, отвлечься от гендерного баланса в битве при Эдингтоне (878 год н. э.) и сосредоточиться на спасении собственной карьеры. Звонила Дженин Тредуэлл из отдела по работе с прессой, уведомляла Мика, что помощник заместителя комиссара настаивает: пусть Мэтлок “выйдет на прессу” в два часа дня. Вторая пресс-конференция – с целью устранить “вагон херни”, в какой вы-

⁶ *Reclaim the Night* (с 1977) – течение в Движении за освобождение женщин, началось в Лидсе и продолжалось вплоть до 1990-х; протестные марши в рамках этого течения требовали обеспечить женщинам возможность безопасно перемещаться по городу ночью.

лилась первая.

Мэтлок сделал все возможное, чтобы увернуться.

– Дженин, – возразил он, – я просто хотел подчеркнуть, что поскольку у нас неведомый убийца на свободе, тем людям, которые рискуют больше всех, надо действовать в своих же интересах и сводить к минимуму вероятность стать следующей жертвой.

– Женщины *знают*, что они рискуют, Мик, – отозвалась Дженин Тредуэлл. – Мы шагаем по жизни, зажав в кулаке ключи от машины, и прислушиваемся к каждому шагу позади. От того, что ты запрешь женщин по домам, мужское насилие не прекратится.

– Я ни слова не сказал...

– Понятное дело, ты не имел этого в виду, Мик, но оно вот так прозвучало.

Звучит-то оно резонно. Мэтлок почти не сомневался, что Нэнси бы с Дженин согласилась. И был совершенно уверен, что согласилась бы и Ким, шестнадцатилетняя дочь Нэнси. Хотя это не помешало бы Нэнси повторять Ким, чтобы та не ходила по парку ночью и всегда старалась добираться домой с кем-нибудь из друзей.

Мэтлок совершил ошибку, приняв звонок от Дженин по громкой связи, – видел, что констебль Клегг прислушивается к разговору. Она сочувственно пожала плечами. Мэтлок знал, что € у нее на уме. Очередной растерянный дед барахтается в чуждых водах общества, в которое больше не “вру-

бается”.

Вообще-то обидно – для мужика, до сих пор определяющего себя как стопроцентно рок-н-рольного. Хотя, конечно, он понимал, что к рок-н-рольности одни лишь деды и стремятся.

Мэтлок сдался. Помимо всего прочего, ему только вот так позволят вернуться к работе. Еще и Нэнси позвонила – сообщить, что многие участницы ее книжного клуба уже написали в Твиттер и поинтересовались, чего это Нэнси помалкивает насчет своего отвратительного партнера, винящего жертву, – #ВсыпьТомуКогоЛюбишь.

Ким уже дважды прислала ему незамысловатую эсэмэску: “ЧЗХ!”⁷

Мэтлок понимал: надо что-то предпринять. Историю подхватили все новостные сайты. И основные телеканалы. В высокорейтинговой программе “Доброе утро, Британия” Пирс Морган сказал Сюзанне Рейд⁸, что Мэтлок – позорище, каким не место в рядах современной полиции. Морган добавил, что на сторону “феминации” он встает нечасто, но по такому случаю “девчонки, я вас прикрою”. Британская общественность так и не узнала, как к этому предложению отно-

⁷ Что за херня.

⁸ Пирс Стефан Пью-Морган (р. 1965) – британский телеведущий, журналист, писатель; ежедневную будничную телепрограмму “Доброе утро, Британия” ведет с 2015 года. Сюзанна Виктория Рейд (р. 1970) – британская телеведущая, журналистка; в программе “Доброе утро, Британия” с 2014 года (с запуска программы на канале Ай-ти-ви).

сится Сюзанна Рейд, поскольку Морган все вопил и вопил, однако ее ехидный взгляд в объектив телекамеры дал аудиотехники довольно внятное представление.

– Ну в общем, проговори мне, что там замкомиссара хочешь, чтобы я произнес, – сказал Мэтлок Дженин и вскоре после обеда появился перед медийщиками – во второй раз менее чем за пять часов.

Теперь, правда, медийщиков, перед которыми он появился, оказалось гораздо больше.

Перед этим Мэтлок выступал с отчетом об убийстве – дело для старшего сотрудника отдела расследования убийств вполне обыденное. А теперь он оказался на переднем крае маневров по устранению ущерба.

Слово Мэтлоку дали не первому.

К его изумлению, изыскал время мэр и прикатил на своем велосипеде в Новый Скотленд-Ярд – с “командой”, прибывшей в “тойоте”-людовозе, чтобы публично размежеваться с удручающе патриархальными взглядами Мэтлока.

– Лондону полагается быть безопасным для всех горожан – и он обязан таковым быть, – торжественно проговорил мэр, – особенно для женщин. Женщины в этом городе, где они живут, достойны уважения – и безопасности. Никаких компромиссов тут быть не может. Никогда. Точка. Спорить не о чем. Вот и весь сказ. Спасибо. А теперь к прессе обратится старший инспектор Мэтлок.

Мэтлок принес свои глубочайшие и искреннейшие изви-

нения.

Он понимал, что выбора у него нет. Хор порицающих сделался таким громким, что любая попытка сослаться на контекст и нюансы была обречена. Он понимал, что для него эта година негодований – темный лес. Такая вот ирония, если учесть, что Мэтлок, гордый панк-рокер, в школьные годы *сам был* источником общественного негодования.

В конце концов он позволил Дженин подготовить заявление от его имени и прочел его вслух.

– Я бы хотел внести полную ясность: любые предположения, какие могли возникнуть о том, что, с моей точки зрения, мужчины имеют право нападать на женщин и убивать их, если обнаружат уязвимую мишень где-нибудь ночью в парке, – глубоко прискорбный результат неуклюжей и непростительной оговорки. Я не ищу оправданий. Напротив. За свою оговорку я отвечаю целиком. От всей души. Я таков на самом деле. Я намерен обратиться за помощью к специалистам и посвятить время осознанию произошедшего, после чего, хочется верить, из меня получится старший инспектор полиции, который окажется лучше, сильнее и антидискриминационнее, чем я нынешний. Завершить свое заявление мне хотелось бы так: надеюсь, общественность простит мне это и даст возможность вырасти в полицейского, каким я, уверен, могу стать. Спасибо.

– Блистательно, – сказала констебль Клегг, вручая Мэтлоку, когда тот слез с подиума, необходимую чашку чая. –

Настоящее профессиональное покаяние. Я вам почти пове-
рила.

Мэтлок забрал у нее чашку и почувствовал, как в карма-
не зазудел телефон. Подумал, что это Нэнси – звонит про-
комментировать выступление. Но нет, непрошеное уведом-
ление из источника, который Мэтлок не опознал, сообщало
ему, что компании “Боевое ремесло Британии” под дав-
лением ученых-феминисток пришлось заявить, что король
Альфред Великий, вероятно, был женщиной. С подлинными
фактами Мэтлок ознакомился не далее чем в то же утро и
понимал, что это чудовищное преувеличение. Враки, вооб-
ще говоря. Поразительно, до чего быстро мелкое раздраже-
ние превратилось онлайн в совершенно искаженную бредя-
тину.

Откуда это все взялось?

У кого находится время на подобную херню?

4. #ГордыйМужинист

Сидя у себя в крошечной спальне-гостиной в Стоук-Ньюингтоне – в комнате, куда с тех пор, как он начал здесь снимать, не заглядывала ни единая душа, – Вотан Оркобой читал то же непрошеное новостное сообщение, что и Мэтлок.

Читал его и бывший “морской котик” Флота США Коуди Стронг и генерал конфедератов Каменная Стена Джексон⁹.

Все это один и тот же человек, то есть его аватары в онлайн-играх, – Оливер Толлетт, управляющий супермаркета и от случая к случаю таксист в “Убере”, житель Танбридж-Уэллс. В отличие от Мэтлока, Вотан – так он предпочитал именоваться в быту – принял новость за чистую монету и рассвирепел.

Ни в какие ворота. Терпение лопнуло в клочья.

Ему было известно, что компания “Боевое ремесло Британии”, на чьи продукты он был давно подписан, решила поддержать ахинею, согласно которой женщин на протяжении всей британской истории многократно нанимали в солдаты. Это-то болталось по чатикам уже не одну неделю. Но теперь он понял, что эта чокнутая дурь с ПК¹⁰ въелась куда глуб-

⁹ Томас Джонатан “Каменная Стена” Джексон (1824–1863) – генерал Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской войны, один из самых знаменитых полководцев в истории США.

¹⁰ Политкорректность.

же, чем “БРБ” признавала. Согласно новостному посту, компания “Боевое ремесло Британии” тайно собиралась полностью “феминизировать” все свои игры и тем самым исправить “неприемлемый” гендерный дисбаланс в армиях былых эпох. Более того, со ссылкой на уважаемую ученую Кресси-ду Бейнз, первым делом женский персонаж воплотит собой Альфреда Великого.

Леденило кровь вот что: как уведомлял Вотана этот новостной пост, в последних официальных сообщениях “БРБ” ничего подобного не объявляла, а значит, внутри организации существует “государство в государстве” – чтобы прикрывать подобное вопиющее разводиловое пользователей.

Вотану хотелось плакать. По-настоящему.

Что *творится* в этом мире? Когда же оно кончится-то?

Хотелось орать. Хотелось драться. Хотелось вышибить кому-нибудь мозги. С чего эти теневые подковерные либеральные силы так пылко *ненавидят мужиков*?

Все доступные ресурсы государства брошены на то, чтобы превратить *нынешнюю* британскую армию в целиком женскую, – этого мало? Вотан и *вспомнить*-то не мог, когда последний раз видел рекламу службы по найму, где был бы изображен хоть один мужчина. Ну, может, фоном только. Или же в виде каких-нибудь расплывчатых смазанных громил в свите у ясноглазой решительной дамы-офицера, воплощающей свою мечту о военной карьере. Может, в роли жалкого дневального на побегушках у задорной перемазан-

ной машинным маслом красотки-механика, которая чинит двигатель трехтонного грузовика.

Зачем? Чего это все договорились делать вид, будто солдаты из женщин получаются такие же годные, как и из мужчин? Или даже лучше. Потому что, судя по всему, высадка в Нормандии была б пустячком, окажись десантные суда набиты одними девчонками. Даже любимая снайперская игра Оркобоя по Второй мировой войне к Битве за Сталинград внезапно укомплектовалась на стороне вермахта снайперами-дамами. Вермахт не вводил в бой женщин. ЭТО ФАКТ! Что вообще происходит? Почему любой, блядь, телесериал, любой фильм про супергероев, перезагрузка любой давно обожаемой франшизы обязана быть про кунфуебнутых, попиздиуменятых, по яйцам раздающих бабцов круче тучи?!

А теперь еще и это! Теперь битва при Эдингтоне 878-го станет целиком с солдатами-бабами – и с девчонкой королем Альфредом.

До чего же Вотан *разозлился*.

Он твитнул Крессиде Бейнз угрозу изнасилования и вернулся к инвентаризации замороженных продуктов.

#ГордыйМужинист.

5. “Пожалуйста, ну давайте не будем говорить об этом долбаном референдуме”

Пора было осмотреть труп Сэмми Хилл.

Мэтлок вел машину, Тейлор сидел в пассажирском кресле, КлеGG – сзади. Она всегда садилась сзади, потому что у нее были самые короткие ноги. И всегда соглашалась с такой логикой. Однако с некоторых пор начала задумываться. В конце концов, если сядет на пассажирское сиденье, она же запросто может двинуть его вперед и оставить сзади побольше места. Почему бы Тейлору иногда не устраиваться на заднем сиденье? КлеGG недавно почувствовала, что это ее место в машине, принятое по умолчанию, – хороший пример малюсеньких умолчаний, упрочивающих позиции патриархата. Мальчики впереди, девочки сзади. Интересная сторона всей этой истории с постами #ЯТоже¹¹. Если не считать самого насилия, занятная штука получается: до чего же по-дру-

¹¹ #MeToo – популярный хештег в социальных сетях, широко распространившийся осенью 2017 года по следам скандала с участием американского кинопродюсера Харви Вайнштейна (р. 1952). В постах с таким хештегом женщины по всему миру рассказывали личные истории пережитых домогательств и насилия. Тогда же или чуть позже возникло еще несколько хештегов, объединяющих посты на те же темы, например #TimesUp (“время вышло”) и #NoShadeOfGrey (“никаких оттенков серого”), но они оказались слабее кампании #MeToo.

тому в свете более общей переоценки гендерных предубеждений, происходящей по всему миру, смотрится *вообще что угодно*. Как женщина Клегг попросту *замечала* больше всякой херни. А может, она всегда ее замечала, но теперь меньше была склонна ее терпеть.

Вместе с тем охота ли ей напрягаться и заявлять Тейлору, что его очередь сидеть сзади?

Да не очень. Жизнь слишком коротка. Клегг уже научилась выбирать, в какие драки стоит ввязываться.

Тейлор пролистывал то, что по-прежнему именовал бумажками, хотя проделывал он это на “айпэде”.

– В исходном вскрытии – ничего особенного, шеф, – говорил он. – Патологоанатом говорит, что извлекла из тела сколько-то семени, но, судя по всему, попало оно туда по согласию, поскольку о повреждениях тканей вокруг ануса жертвы ничего не сказано.

– Ануса?

– Ага.

– Семя было у нее в анусе?

– Я вам ровно это и говорю, шеф.

Мэтлок сосал карамельку и удержался от могучего порыва разгрызть ее вдребезги. Пожалел, что теперь нельзя курить в машинах.

– Ну, это может дать нам *некоторую* наводку, видимо, – сказал он.

– Шеф?

– Ну в смысле. Отвязно как-то. С извратом и все такое.

– Отвязно и с извратом?

– Анальный секс же.

– Анальный секс – это отвязно и с извратом?

На миг повисла неуютная тишина.

– Ну, нет. Не очень. Так ведь? – отозвался Мэтлок. – В смысле... ну ясно же... в гетеросексуальных понятиях. Жертва – женщина.

Карамельку он разгрыз. Осознавал, само собой, что интернет-порнуха сделала обыденными для целого поколения такие сексуальные практики, какие поколению Мэтлока, будь оно сколько угодно постпанковым, казались уж во всяком случае экзотическими, а вообще-то попросту извращенскими. И все же Мэтлок не успел к этому *привыкнуть*. В его времена это все не было “темой”. Еще студентом он познакомился со своей тогдашней девушкой на концерте “Симпл Майндз”¹², и они чувствовали себя очень взрослыми, покупая книгу “Радость секса”¹³ в мягкой обложке. Книга сводилась к набору рисунков, изображавших всякие позы гетеросексуальных совокуплений. Мэтлок вспомнил, что анальный секс в книге упоминался, но кратко, в самом конце, да и то с некоторыми довольно строгими оговорками насчет гигиены. И рисунка там точно не было. Он бы запомнил. Нэнси

¹² *Simple Minds* (с 1977) – шотландская арт-, панк-, поп-рок-группа.

¹³ *The Joy of Sex* (1972) – иллюстрированное пособие по интимной жизни британского автора Алекса Комфорта.

к этому относилась так же, если не категоричнее – заверяла Мэтлока, что, даже если б ему хотелось, “ходу туда не будет никогда”.

Констебль Клегг нарушила молчание.

– У меня спрашивать без толку, шеф. Не по моей части, как вы понимаете. Бэрри? Анальный секс – это вообще тема у гетеросексуальных пар? – Она удовлетворенно заметила, что шея у Тейлора порозовела на оттенок. Смутить Бэрри Тейлора в вопросах секса – штука нелегкая, а потому вышла маленькая победа.

– Не думаю, что он считается чем-то *особенно* необычным, Сэлли. Вряд ли это сколько-нибудь интересно для нашего расследования.

– Вообще-то об этом целую серию сняли в “Сексе в большом городе”, – заметила Клегг, – буквально несколько десятков лет назад. А еще в начале “Дряни”¹⁴, когда она выдает монолог, глядя в камеру, а ее тем временем окучивают сзади.

Опять неловкая тишина, которую Тейлор заполнил, включив радио. Оно было настроено на какой-то разговорный канал.

К счастью, дурная слава хештега #HeEeVина и публичной порки Мэтлока погасла в новостной круговерти так же стремительно, как и возникла.

К несчастью, разговор вновь вернулся к грядущему рефе-

¹⁴ *Fleabag* (2016, 2019) – британский комедийный мини-сериал на канале Би-би-си-3 и в интернете (“Амазон Видео”).

рендуму, ожидаемому в конце сентября, – чуть меньше чем через четыре месяца. Английская независимость оказалась куда более популярной темой, нежели ожидала премьер-министр. Она созвала референдум в попытке вскрыть чирей английского национализма – в правом крыле ее партии он становился день ото дня все злее и гнейнее. Тот же фокус некогда попытался проделать Дэвид Кэмерон с Брекзитом. И смотреться все это начинало в той же мере мощным просчетом.

– Треп прав, – постановил голос из радиоприемника – как и большинство голосов из приемников в разговорных радиопрограммах того лета. – Думаю, самое время двигаться дальше самостоятельно. Черчилль, 1966-й и все прочее.

– Треп – мудозвон, – пробормотал Мэтлок.

“Треп”, которого они с радиоведущим имели в виду, был основным среди трех политических тяжеловесов, поддержавших кампанию “Англия на выход”. Треп Игрив, Гуппи Джаб и Пантагенет Подмаз-Свин. “Знатные зверюги”, как их называла пресса, с “изощренными мозгами” – так определяется, судя по наличным показателям, сносный навык отпускать вялые шутки на еще более вялой латыни. Государственные мужи, чьи способности и вес не пустой звук, отказались от своих постов в кабинете министров, чтобы употребить свою “громадную популярность” и “обширный политический опыт” в деле переизобретения Англии как “оптимистичной, смотрящей в будущее, торгующей со всем миром

нации, полностью готовой выстоять перед трудностями XXI века”.

Любые намеки на то, что эти трое впряглись в “Англию на выход”, потому что она предоставила им единственную настоящую возможность переизобрести собственные карьеры, пошатнувшиеся из-за тщеславия, гордыни и полной некомпетентности оных политиков, тонули в гомоне преклонения перед этими знаменитостями, порожденном статусом “знатных зверюг”, о котором было столько разговоров.

Мэтлок выключил радио.

– До чего же надоел мне этот дурацкий референдум.

– И вам, и всей остальной стране, шеф, – согласился Тейлор. – Но закрывать на него глаза мы тоже не можем. Он происходит.

– По второму разу все это никому и не надо было, – посетовала Клегг сзади. – Я думала, мы избираем правительство, чтобы оно управляло, а не доставало нас каждые пять минут, чтоб мы за них решали.

– Вот именно, блин, – сказал Мэтлок.

– Ну не знаю, – проговорил Тейлор. – Если они и впрямь подумывают отколоться от Королевства, кажись, это чересчур важно, такое на откуп горстке политиков оставлять нельзя, правда же? Разве не так *должна* выглядеть демократия? Когда политики слушают народ.

– Господи! – воскликнул Мэтлок, качая головой. – Ты вообще себя слышишь, Бэрри? Зачем в таком случае избирать

политиков, если они тут же пинают мячик обратно в толпу?

– В толпу, шеф? – переспросил Бэрри. – Несколько снобски это, вам не кажется? Слегка дискриминирующе. Не очень *политкорректно*.

– Мы знаем, как выглядит толпа, Бэрри! – огрызнулся Мэтлок. – Мы их пасли достаточно. Ты в самом деле хочешь, чтобы толпа принимала ключевые решения о будущем этой страны?

– Ага! Чего ж нет-то?

– Ты *серьезно*? – переспросил Мэтлок. – Если предоставить принимать любые важные и трудные решения “народу”, он первым делом вернет казнь через повешение.

– И это будет плохо? – спросил Тейлор.

– По-моему, шеф совершенно прав, – вставила Клегг с заднего сиденья. – Да кто вообще этот “народ”? “Народ”, к которому политикам полагается прислушиваться? Я – человек, и я не согласна ни с одним идиотом из тех, какие звонят на радио. И я уж точно не хотела, чтобы какой-то там референдум разрушил Королевство.

– Немцы конституционно запрещают референдумы, – продолжил Мэтлок. – И знаешь почему? Потому что Гитлер считал их полезным инструментом.

Тейлор пожал плечами – ясно было, что ему этот разговор наскучил.

Клегг воткнула наушники в уши.

Все это чушь, и херня будет происходить, хоть ты убейся.

Мэтлок кипел.

В молодости, в 80-е, он был очень даже политизирован. Даже антиэлитарен. В полицию вписался, поскольку считал, что это хорошая стартовая площадка для карьеры в политике. И даже после того, как решил, что ему нравится быть полицейским, он по-прежнему считал себя эдаким радикалом. Молодым констеблем он дежурил на улицах во время мятежей, вспыхнувших из-за “подушного” налога с избирателей¹⁵, и переживание это получилось для него по-настоящему противоречивым, потому что с протестующими он был, по сути, согласен.

Но теперь... Теперь! Все зашло так далеко вправо, что приходилось отстаивать статус-кво! Как раз то, в чем он сомневался в студенческие годы, – конституционное правительство, массовая пресса, судьи и суды – оказалось под угрозой! Этот дурацкий референдум – попросту очередной шаг в постепенном крушении всякого даже подобия нормального общества. Веры *хоть во что-то*. Разверзлись хляби мелкого национализма и негласного расизма. Отвратительно.

И лично он винил во всем гребаных скоттов.

Вот кто все это развел, пытаясь развалить прекрасно обустроенную страну, выигравшую две мировые войны, поро-

¹⁵ Протесты в 1989–1990 годах против общинных налогов, в народе именовавшихся “подушными”, введенных при Маргарет Тэтчер; самая крупная акция состоялась 31 марта 1990 года в Лондоне.

дившую “Битлз” и изобретшую паровой двигатель. Зачем? Не понимали они, что ли, что неизбежным результатом шотландского национализма станет национализм английский? Сколько национализма в силах переварить один маленький остров? Мэтлок где-то прочитал, что независимости стоит добиваться *Лондону*, раз у него такая мощная экономика. А чего не Найтсбриджу тогда? Или трем верхним этажам “Осколка”?¹⁶ Мэтлок заметил про себя, что на самом деле довольно удивительно, до чего много времени понадобилось, чтобы все настолько опаскудилось. В пору первого шотландского референдума¹⁷ – теперь это все казалось другой эпохой и другой страной – Мэтлок ожидал, что обидчивая Англия тут же сделает нечто подобное и вякнет: “Да и пошли вы все, раз так”. Но, если не считать добродушных подначек, Англия, в общем, не обратила внимания. Теперь же, конечно, после катастрофического очковтирательства с Брекзитом, который не удовлетворил ничьих устремлений, Англия дорвалась. Повсюду теперь эти дурацкие флаги святого Георгия. В точности как в свое время Эдинбург с Глазго были увешаны на всех углах долбаными дебильными андреевскими крестами. Флаг Королевства уже нигде, кроме Букингемского дворца, не поднимали.

¹⁶ *Найтсбридж* – жилой район в центре Лондона, один из двух основных центров международной розничной торговли в городе. “Осколок” (Shard, с 2013) – 95-этажный лондонский небоскреб, на 95 % им владеет государство Катар.

¹⁷ Первый референдум по вопросу о независимости Шотландии состоялся 18 сентября 2014 года.

Как оно все к этому скатилось?

Десять лет назад Королевство было относительно преуспевающей европейской державой с олимпийской командой мирового уровня и завидной репутацией в смысле общей терпимости. А нынче страна, единая с 1707 года, не имела ни малейшего понятия, кто и что она есть.

Как вышло, что все так стремительно испортилось?

Желал ли *кто-нибудь* подобного кавардака?

Будто кто-то сознательно раскачивал лодку.

Но это уже паранойя.

В теории заговоров Мэтлок не верил.

6. #НеСтолбиНочлегУМракобеса

Фредди и Джейкоб Уайтли-Энфилд нажали на “Отправить”. Их отпуск испорчен. Им создали жутчайшие неудобства и чудовищно унизили. В десять часов вечера не дали воспользоваться полноценным бронированием и вынудили поселиться в “Тревелодже”¹⁸ в Пенрите. Это совершенно отравило им недельный поход по Озерному краю.

Джокэм и Бренда Макрун, христианская пара, владевшая гостевым домом “Махонький закут”, предложила им отдельные комнаты по той же цене, однако, что неудивительно, Фредди и Джейкоб, приехавшие отпраздновать свой медовый месяц, пожелали двухместный номер, который Фредди забронировал.

Состоялась перепалка. В ужасно напряженном, полууточивом, зверски “английском” смысле. Голоса пытались оставаться спокойными, но подрагивали от избытка чувств – с обеих сторон.

– Простите, но дискриминация однополых пар противозаконна.

– Мы просим вас уважать наши религиозные воззрения и либо спать порознь, либо найти себе проживание в другом месте.

¹⁸ *Travelodge* (осн. 1985) – британская общенациональная сеть бюджетных гостиниц, располагает более чем 40 тыс. спальных мест.

– Ни за что. Мы забронировали здесь номер, потому что хотим завтра взойти на Грейт-Гейбл.

– Подтверждая ваше бронирование, мы не знали о его особенностях.

– Просим уважать нашу половую ориентацию.

– Просим уважать нашу веру. Мы христиане-евангелисты и считаем, что гомосексуальность – грех.

– Это отвратительно и оскорбительно.

– Мы за вас помолимся.

– Нахер нам не сдались ваши молитвы.

– Пожалуйста, уходите.

Фредди и Джейкоб, потрясенные и подавленные, вынуждены были вернуться в машину и искать себе жилье. Добраться до “Тревелоджа” получилось не сразу, поскольку 4 G среди холмов был ужасен.

(Джокэм и Бренда Макрун оказались верны своему слову: они вышли в сеть, вернули депозит Уайтли-Энфилдов, после чего преклонили колени у себя в домике и помолились за двух грешников.)

Когда Фредди и Джейкоб наконец прибыли в “Тревелодж”, было уже слишком поздно даже для бокала вина, что уж говорить о еде. Они расстроились напрочь. И пусть по натуре они оба милейшие люди и устраивать драчки им неприятно, они все-таки сочли, что подобное обращение не должно сходить людям с рук. Подумали, не сообщить ли полиции, но, по правде сказать, не желали еще больше портить себе

отпуск. А потому написали разносный отзыв на сайте Трип-Эдвайзора и повторили его в Твиттере – с тегом #НеСтолби-НочлегУМракобеса.

7. Телефонист-разводчик

Малика, пообедав с мамой, вернулась на работу и с удивлением обнаружила в конторе “Сэндвич-коммуникаций” Томми Черпа и Ксавье Аррона, двух самых шумных поборников кампании “Англия на выход”. Она знала, что “Англия на выход” – клиенты “Сэндвича”, более того – крупнейшие клиенты, но компанейскость, с какой ее начальник Джулиан водил их по конторе, намекала скорее на партнерские отношения.

Как-то странновато это.

Очевидного родства у этой троицы не отмечалось. Не то чтобы прямо-таки родились для этой дружбы. Черп и Аррон – громогласное “бычье с золотым сердцем”. Мультимиллионеры-самородки, чванные и нарочитые. Прямая противоположность сверхкрутому Джулиану Картеру, основателю и генеральному директору “Сэндвич-коммуникаций”. Про себя Малика дала Джулиану кличку “Телефонист-разводчик”, потому что ему нравилось описывать свою работу “прямо как в старые добрые времена у телефониста: разводишь штекеры из одного гнезда в другое – и получается совершенно новая парадигма торговли, *миллион раз в секунду*”.

Вкрадчив, непритязателен – и неброский хлыщ. Немнож-

ко тип Хью Гранта с легким налетом Билла Найи¹⁹ – чуть растрепанно, однако по-своему очень притягателен. Оправа очков у него с виду походила на НСЗшные²⁰ черные пластиковые из 60-х, но, разумеется, на самом деле была до слез дорогой супермодной “келвин-кляйновской”. Стрижку он носил определенно слишком длинную для своих лет – ему было за пятьдесят, – но хоть бы что: он как-то ухитрился смотреть так, будто просто забыл подстричься, а не потому что, с его точки зрения, это клево и сексуально (а Малика видела, что как раз *такая* у него точка зрения). Джулиан слегка косил под нескладеху-хлыща, но был вопиюще чересчур ушлым для этого образа. Имелось в нем и нечто анархическое – вроде как ему насрать. Такой вид бывает у ребят, которых вышвырнули из какого-нибудь второстепенного частного вуза. На самом же деле его вышвырнули из Итона.

Малике он нравился. Обаятельный, уверенный в себе и прикольный. И к тому же он предоставил ей великолепную работу, за которую платил гораздо больше необходимого. Конечно, щедрость ему по карману – со всей очевидностью, он был богат. Малике хватало честности с самой собой, чтобы понимать: ей это кажется притягательным. Росла она бо-

¹⁹ Хью Джон Мунго Грант (р. 1960) – английский актер преимущественно комического кино, продюсер. Уильям Фрэнсис Найи (р. 1949) – английский актер театра и кино.

²⁰ Имеются в виду оправы, которые Национальная служба здравоохранения Великобритании (НСЗ) предоставляла гражданам по предписаниям врачей бесплатно с 1948 по 1983 год.

лее-менее в бедности, наблюдая, как ее родители трудятся без передышки день-деньской ради того, чтобы обеспечить себе место в Британии и выстроить будущее для Малики и ее братьев. В Оксфорде она повидала достаточно богатых деток, которым не надо было тревожиться за громадные кредиты, какие брали люди, подобные Малике. Многие ее одноклассники богатых деток недолюбливали. Но не Малика – она им завидовала.

Только-только выйдя на работу, Малика спросила Джулиана, почему фирма так называется – “Сэндвич-коммуникации”.

– Я не в том смысле, что название не классное.

– Незачем это двойное отрицание, Малика, – отозвался тот, – потому что название *не* классное. Это бессмысленная пост-ироническая дребедень, выдуманная на потребу инфантилизированному обществу, одержимо прикидывающемуся, что все на свете, включая многочасовую возню с одуряюще сложной математикой, четко и прикольно. Я лично виню во всем Стива Джобса. Это он первым стал носить футболки на работу и называть целую череду технологических нововведений, которым предстояло буквально перелицевать все человечество за одно десятилетие, “просто всякими крутыми штуками”. В смысле, да *ну правда* иди нахер, Стив. Есть разница между кротким хвастовством и чистой *поебенью*.

В этом весь Джулиан. Язва. Вроде как неистово открове-

нен. Возможно, чуточку поганец под всей этой шикарной жеваной поверхностью, но работать с ним прикольно. И к тому же по пятницам после обеда откупоривал прорву шампанского, а это для начальника очень значимая черта.

– Малика, – сказал Джулиан, когда эти трое проходили мимо нее, – разрешите познакомить вас с Томми и Ксавье – или Резаксом, как мы его зовем. Отличные ребята. Вы о них, наверное, слышали.

Еще бы. Тем раздорным и раскольным летом о Томми Черпе и Ксавье “Резаксе” Арроне слышали все. Эти самые богатые и громогласные сторонники кампании “Англия на выход” почти никогда не пропадали из новостей.

Томми владел всеми обожаемой сетью пабов-ресторанов под названием “Черпаки”, где подавали целенаправленно старомодное английское меню из 1970-х, состоявшее из креветочного коктейля, отбивной с картошкой и торта “Черный лес”²¹. Резакс был застройщиком. “Гордый лондонец”, продававший лондонскую недвижимость иностранным инвесторам – обитавшим на яхтах кочевым сверхбогатеям, которым нужны целые кварталы, чтобы где-то прятать свои денежки.

Томми и Резакс, два прямолинейных английских патриота, – хватит с них “брюссельского сверхгосударства”, с ко-

²¹ Вероятно, прототип Томми Черпа – Тим Мартин (р. 1955), британский предприниматель, хозяин сети пабов “Уэзерспун” (осн. 1979), ныне их более 900 по всей Великобритании. Мартин был и остается ярким сторонником Брекзита, название сети перекликается с названием вымышленной сети пабов Томми Черпа (англ. Spoons); меню в “Уэзерспун” тоже довольно консервативное.

торым Англия по-прежнему оставалась сильно связана, хотя Королевство вроде как уже наполовину выбыло. Хватит с них и “политической корректности”, которая, с их точки зрения, увечила то, чему полагалось быть английским.

– Добрый день, мистер Черп. Добрый день, мистер Аррон, – вежливо сказала Малика.

– Не ведитесь на ее юность и красоту, – предупредил Джулиан, – хотя я знаю, что так говорить нельзя, но скажу все равно, потому что это констатация факта. Малика – наша Королева Математики. Она попросту гений-числогрыз. Оксфордская отличница. Пришлось сбраконьерить из Магдален-колледжа – они пытались удержать ее, чтоб защищала у них докторскую. Немудрено, вы б тоже такую удерживали, а? Азиатка *плюс* женщина *плюс* с государственным образованием. Да тут сплошные галочки по списку! В смысле заявки на корпоративные добродетели это прям три в одном. Она же и причина, почему вы платите такие, блядь, деньжищи за мои услуги. Каждый голос в пользу “Англии на выход”, какой нам удастся привести, напрямую связан с Маликой – через ее замечательные алгоритмы. Черт бы драл как впечатляюще для дочери иммигрантов, ну?

Малика видела, что Джулиан упивается собой. Ему нравилось немножко похулиганить, а говорить Томми Черпу и Ксавье Аррону, что своим нынешним успехом в опросах общественного мнения они обязаны темнокожему человеку, несомненное хулиганство. Оба-два совсем недавно позиро-

вали перед громадным рекламным щитом с изображением “орд” темнокожих, “прущих” в Англию, с недвусмысленным заголовком “Последняя капля”.

– Джулиан преувеличивает, – проговорила Малика. – У нас тут команда. Я ее часть.

Черп буркнул что-то приветственное. Аррон снизошел до кивка.

Джулиан повел их к лифту.

– Гениально, что вы заскочили, ребята, – донеслось до Малики. – *Та-а-ак* ценно ваше участие. Давайте в следующий раз займемся этим делом в пивосемь вечера, а? А еще лучше – за бухнись-ланчем, и вторую половину дня профукаем, а? А?

Малика услышала в лобби громкий смех – Томми с Рексом сообщали всем окружающим, до чего они зашибись клевые парни.

– Конченные *пиздюки*, оба, – проговорил Джулиан, вернувшись, и все Маликины занятые программисты за мерцающими мониторами расплылись в широченных ухмылках.

– Вы с ними вроде бы вполне ладили, – заметила Малика.

– Поладить-то я могу с кем угодно, – отозвался Джулиан. – Это дар такой. Но вот правда – ой-ёй-ёюшки. Ну серьезно. *Какие же пёзды*. Мне известно, что это слово употреблять не стоит, но действительно – как тут еще скажешь? Пизданутые ебучие пиздюки, парочка эта. Короче. Ну их нахуй. Пёзды они. Но платят. Много. А дело нам буквально есть только до

этого. Ка-ароч, Малика, фонарик, заскочите-ка вы ко мне в кабинет на пару слов?

Кабинет был только у Джулиана. Всем остальным выпадало работать посменно за “горячими” столами, постоянно мигрируя по всему бескрайнему открытому морю компьютеров. Даже Малике приходилось логиниться на каком достанется мониторе, чего она не выносила на дух. В Оксфорде у нее бы имелся свой кабинет, отделанный дубом.

Она двинулась за Джулианом в его великолепную приемную.

– Ну что же, профессор Раджпут. Как там наш #Гордый-Мужинист и страшная угроза, что мужчин вычеркнут из истории? – спросил он.

– Отлично, – ответила Малика. – Прет как лесной пожар. Столько настоящих перепостов, что нам уже через час-другой почти не понадобилось толкать это все при помощи ботов. Я сама себя лишаю работы.

– Нисколько. Если все получается как надо, это исключительно благодаря чрезвычайной точности вашей адресации.

– Ну, моя часть работы довольно простая на самом деле. Если в математике соображать.

– В том-то вообще-то и дело, дорогая моя. *Если* соображать в математике.

Повисла пауза. Малика выжидала. Она догадывалась, что к себе в кабинет Джулиан вызвал ее не для того, чтобы спросить, как поживает один из их особых хештегов. Для этого

достаточно глянуть на монитор.

– Малика? – произнес он в конце концов. – Вы никогда не задумывались, откуда мы берем наши исходные данные? *Реальную*, так сказать, информацию, которую далее ваши алгоритмы перемешивают и сопоставляют, чтобы отыскать благодатную почву для наших клевых постов и твитов?

– Возможно, это проскакивало у меня в мыслях, кажется, – осторожно ответила Малика. – Следовало задуматься? Джулиан расплылся в улыбке, которая подразумевала непроницаемость.

– Ладно. Давайте сформулирую иначе. Допустим, я бы вам сообщил, что получена та информация не *целиком* вбелую. Вы бы что на это сказали?

Смахивало на некое испытание. И испытание это Малика намеревалась выдержать. Она двадцатидвухлетний математик, получающий шестизначную зарплату в сверхсовременной, сверхкрутой передовой компании в самом сердце Сити. Жизнь – приключение, и Малика не собиралась запороть шабашку, какие выпадают раз в жизни, из-за мелочной нравственности. Да какая нравственность вообще в пост-Трамповы времена. Главное не вляпываться ни во что самой, а в остальном Малика вполне готова не лезть с вопросами.

– Я бы сказала “нуачо”. Очевидно, что не вбелую, мы же с личными сведениями возимся. Намек в само €м обозначении.

Джулиан одобрительно хохотнул.

– Именно! *Молодчина*, фонарик. Годный ответ.

– И, уж раз на то пошло, я почти уверена, что знаю и то, как вы их добываете, – сказала она, пользуясь добытым преимуществом в разговоре.

– Правда? Ну-ка, ну-ка.

– Надо полагать, используете разновидность трюка, разработанного “Кембридж Аналитикой”²² за первое голосование по Брекситу сколько-то лет назад. Исходную выборку набираете законно – думаю, каким-нибудь онлайн-опросом во всплывающем окне.

– Стофунтовенько! Дайте девушке пирожок. Больше четверти миллиона таких, вообще-то. В среднем по цене от пяти до десяти американских долларов за штуку. Недешево.

– А, предложили заплатить, значит. Я так и думала.

– Вы знали? – Джулиан провел рукой по своим клевым волосам. – И с чего же вы взяли?

– С того, что для получения этих денег человеку нужно щелкнуть по вашему приложению и получить код платежа. Бинго! Вот вы и в компьютере у этого человека! Внезапно четверть миллиона тех анонимных анкет привязана к конкретным личностям. Вы знаете, кто они и где живут.

²² *Cambridge Analytica* (осн. 2013) – частная британская компания, использующая технологии глубинного анализа данных (в т. ч. добываемых в социальных сетях) для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных интернет-кампаний. “Кембридж Аналитика” участвовала в предвыборной кампании Доналда Трампа, а также, вероятно, повлияла на исход референдума по Брекситу.

Джулиан не ответил. Все так же улыбался, приглашая ее продолжать.

– И вдобавок вы у них в профилях на Фейсбуке, – добавила Малика.

– Да. – Кивнул.

– Это означает, что вы можете соотнести подробности, сообщенные в анкете того или иного человека, со всей онлайн-жизнью этого человека. С каждым лайком, постом, поисковым запросом. Вы составляете невероятно сложные портреты настоящих физических людей. Людей, которые понятия не имеют, что какая-то занятая маленькая компания с довольно нелепым названием знает о них буквально столько же, сколько знают они сами.

– Вы у нас умная девочка, да?

– Но что еще круче, – продолжила Малика, – гораздо, *гораздо* круче: благодаря этому щелчку по приложению с оплатой у нас есть прямой доступ ко всем профилям их френдов в Фейсбуке.

– У нас?

Малика так выразилась сознательно и порадовалась, что он уцепился за это.

– Да, у нас, Джулиан. У нас есть четверть миллиона ни о чем не подозревающих людей, о которых мы знаем все, плюс сотни их сетевых друзей, о которых мы в силах предположить едва ли не столько же, таким образом получаем копилку из примерно двадцати пяти миллионов человек, чьи име-

на и адреса нам известны и к чьим страницам в Фейсбуке у нас есть доступ. Это позволяет адресовать любой продукт, какой наши клиенты пожелают продать людям, так, чтобы с наибольшей вероятностью склонить их к покупке. – Она примолкла на миг. – В данном случае – английскую независимость.

Джулиан выдал широченную зловещую улыбку.

– Очень хорошо, – произнес он. – Вы во всем разобрались. Я подозревал, что, скорее всего, у вас получится.

Конечно, подозревал. Он ее проверяет. Изобрази она невинность, он бы, возможно, решил, что ей нельзя доверять. А так он ее привязывает к себе. Превращает в сообщницу. Юристом она не была и не понимала, противозаконны ли подобные поступки, однако все это, несомненно, безнравственно и против всех и всяческих норм делового поведения. Отныне, если ей когда-нибудь придет в голову на него стучать, предстоит крепко подумать, не лучше ли сперва обсудить условия мировой.

– Да, – сказала Малика. – Я в этом разобралась, возможно, в первый же рабочий день. Любой поисковый результат, который я вам добываю, напрямую опирается на краденые данные. И, что еще больше все усложняет, – на *затратные* краденые данные. И затраты эти в бухгалтерии “Англии на выход” явно не числятся как статья расходов кампании.

– И вас это не беспокоит?

– *Возможно*, беспокоит. Но за те деньги, которые вы мне

платите, я готова мириться много с чем.

– Молодец. Хороший ответ. Заслуживает двадцатипятипроцентной надбавки к зарплате, по-моему. С сего же момента.

– Спасибо, приму. Хотя вам и незачем давать мне взятки, Джулиан. Мне нравится моя работа. Кроме того, это же не *настоящее* преступление, верно? Интернет – совершеннейшее решето. Все это знают. И все воруют данные.

– Конечно, воруют. Это не взятка, Малика, – сказал Джулиан. – Это вознаграждение. Вы его заслужили. И вот еще что: будьте умничкой, прогоните это через свой числогрыз, ага? Наройте мне миллион людей, которым это можно послать.

Джулиан извлек свой прелестный перьевой “Монблан” – аксессуар, которым, как Малике представлялось, никто лично не владеет. Она такой видела всего один раз – в огромных витринах беспощинной лавки в аэропорту Дубая, его зажимал в своих татуированных пальцах Джонни Депп. Джулиан на миг замер, явно наслаждаясь тяжестью и общим ощущением этого роскошного предмета, а затем, прижимая литой золотой кончик к толстой кремовой бумаге, вывел: #НеСтолбиНочлегуМракобеса.

– Печальная история, – продолжил он. – У милейшей гей-парочки испортился отпуск из-за парочки религиозных нациков. Думаю, их история должна быть услышана.

– Ух ты, – сказала Малика. – Люди по-прежнему от-

казывают во вписке ребятам-геям? Я о таких случаях уже несколько лет не слыхала.

– Да, оно менее распространено – в наши дни, когда все мы подпираем радугу. Вот поэтому *очень* важно, чтобы люди об этой истории узнали.

– Как удачно, что пансионатами редко заправляют мусульмане. Никто из тех, с кем знакомы мои родители, не стал бы сдавать комнату гей-паре.

– Хм-м. Интересный вышел бы кризис у либеральных левых, а? По бедняжечкам христианским мракобесам они шаршат запросто, а вот на муллах, что-то мне подсказывает, оттягиваться так резво не рванули бы, а? Гей-отпускники против исламских отельеров? Как бы и *впрямь* выкручивались зайки либералы? В *узлы* б вязались небось. Какая жалость, пока придется обойтись христианскими фанатиками, на которых можно срать по всеобщему согласию. Ладно, бегите и изобразите мне симпатичное длинное уравнение, чтобы этот хештег долетел до тех людей, кого он очень, *очень* разозлит.

– Ну, это ж про обе стороны речь, верно? И про гей-сообщество, и про христиан.

– Именно, дорогая моя. Именно.

– Вы хотите, чтобы я заслала его обеим сторонам?

– Да, совершенно верно. Должна же быть справедливость.

– Есть ли какая-то конкретная причина, почему вы хотите, чтобы я этим занималась, Джулиан?

– Я вам сказал. Чтобы всех их очень, очень разозлить.

8. ЛюбОстров, по буквам: Эл-Ю-Бэ-О

Мэтлок, Клегг и Тейлор все еще медленно пробирались через Лондон к полицейскому моргу.

– Такими темпами, – заметил Мэтлок, – кто б там ни убил Сэмми, умрет от старости, прежде чем мы изыщем возможность его поймать.

Ни Клегг, ни Тейлор никак не отзывались. Оба воткнулись в свои телефоны. Единственный ответ от них – жестяное чирканье пропускавших звук наушников.

– Или ее, – добавил он. – Допускаю, что Сэмми могла убить женщина. Надо подходить без всякой зашоренности. Господи, жуть какое движение.

Тейлор на минутку вытащил из ушей наушники.

– Включайте синие огни, шеф. Поддайте-ка сирены.

– Посещение трупа – не чрезвычайная необходимость, Бэрри. Труп уже мертв.

О сирене он подумывал. Уже успел кинуть Нэнси сообщение, что *опять* задерживается и ее дочку с нетбола не забереет. Уклонение от общей ответственности, которое за здорово живешь ему не спускали. Но Мэтлок считал, что правила важны, а сирена – для ЧП. А не для опаздывающих забирать детей из школы.

– О боже! – завопил Тейлор.

– Что? – резко спросил Мэтлок. Не нравились ему резкие звуки, когда он за рулем.

– Простите, шеф, но вам *надо* это увидеть. Не знаю, смеяться тут или плакать. – Тейлор протянул руку с телефоном.

– Я веду машину, Бэрри.

– Нам красный.

– Я полицейский. Не собираюсь я смотреть в телефон, пока нахожусь за рулем автомобиля.

– Мне казалось, это один из бонусов. Эй, Сэлли! – позвал Тейлор, поворачиваясь и маша телефоном Клегг. – Глянь к себе в новостную ленту.

Клегг вытащила наушники из ушей и глянула в телефон.

– О господи, ну и *ржака*.

– Что? Что? – раздраженно переспросил Мэтлок.

– Ребята #ДавайтеДержатьсяВместе²³ назвали свою про-Королевскую кампанию “ЛюбОстровом”, – весело объявил Тейлор.

– “ЛюбОстровом”? Что ж так натужно-то? – подхватила Клегг. – Эл-Ю-Бэ-О.

– Чтобы не путалось с телепрограммой? – предположил Мэтлок.

– Да очевидно.

²³ *Let's Stick Together* (1962) – ритм-энд-блюзовая песня американского исполнителя Уилберта Хэrrисона, в Великобритании завоевала громадную популярность в версии Брайана Ферри (1976).

“Остров любви” был прошлогодним реалити-шоу – и много лет до этого²⁴.

– Ни разу не смотрел, – сказал Мэтлок.

– Да вы прикалываетесь! – откликнулся Тейлор. – Ни разу не смотрели “Остров любви”? Он же совершенно гениальный.

– Что? Тусовка балбесов трахает друг дружку где-то на острове? Господи, Бэрри, тебе что, одиннадцать?

– Вы глубоко заблуждаетесь, шеф. Там все про отношения и человеческие взаимодействия. Все вообще-то правда тонко.

– Херня это.

– Включите радио, – потребовала Клегг с заднего сиденья. – Может, зайдет об этом речь.

Мэтлок подчинился.

Станция, на которую они были настроены, ненадолго отвлеклась от обсуждения референдума и спускала ярость на новую “радикальную гей-повестку”, и ярость эта поперла, судя по всему, из-за хештега “HeCтолбиНочлегуМракобеса”. Это, как заявлял взбешенный до трясучки ведущий тоном предельного возмущения, похоже, согласованное действие высокоорганизованных активистов-гомосексуалов, направленное на закрытие всех христианских предприятий в

²⁴ Речь о британском реалити-шоу Love Island на канале Ай-ти-ви-2; первый период съемок и показа пришелся на 2005 и 2006 годы, современная версия стартовала в 2014 году и продолжается до сих пор.

отместку за то, что двое из их числа вынуждены были переночевать в “Тревелодже”.

Мэтлок попробовал другой канал.

Глава оппозиции лез из кожи вон, пытаясь объяснить, что политика его партии в отношении референдума – в том, что Англии следует остаться в составе Королевства, – но при этом стараясь не выглядеть *слишком* рьяным. “Позвольте заявить совершенно однозначно, – лепетал незадачливый глава. – Мы целиком и полностью верим в единое Королевство, но это не означает, что мы хоть в какой-то мере не чтим устремления к самоопределению, которые столь сильно проявляются в нашей великой стране повсеместно. Вот почему мы изыскиваем все более всеохватные меры передачи полномочий, которые убедят четыре великих народа нашей единой великой страны, что под руководством нашего правительства они будут настолько отделены и не совместны, насколько это вообще возможно без официального закрепления. По сути, на самом деле останется одно лишь название и общий монарх”.

“Как-то не любо на острове, значит?” – ехидно проговорил ведущий.

“Что, простите? Вы имеете в виду телепрограмму?”

“Нет. ЛюбОстров. Эл-Ю-Бэ-О. Ваш новый девиз”.

Послышался шелест бумажек – главу оппозиции просвещали на тему свежайшей пиар-инициативы в кампании Команды Ко.

Мэтлок вторично выключил радио.

– Не могу больше. Давайте я на Спотифае The Smiths²⁵ найду? – проговорил он. – Продолжу, обыватели, ваше образование в приличной музыке?

Но ни сержант угрозыска Тейлор, ни констебль угрозыска Клегг не слышали его. Они воткнули наушники обратно. Клегг слушала свою музыку, а Тейлор углубился в Фейсбук. Только что лайкнул мем, который запостил какой-то его френд, – о том, что Премьер-лигу заполонили знаменитости-инородцы.

Где-то в другом углу города компьютеры в “Сэндвич-коммуникациях” подгребли в свою кубышку этот лайк и добавили его Тейлору в досье.

Конечно же, не было ничего расистского в том, чтобы посмеяться над тем, что все знаменитые английские футбольные команды состояли почти исключительно из игроков, чьи имена комментаторам не удавалось произнести. Однако в спектре новехонького алгоритма Малики эта реакция числилась однозначно.

Пинь! Тейлор получил непрошеное новостное оповещение: ему сообщали, что за прошлый год работу получило больше иммигрантов, чем англичан. Новость не подтверждалась никакими источниками, зато в ней содержалась ссылка на веб-страницу “Англии на выход”.

²⁵ *The Smiths* (с 1982) – британская инди-, постпанк-рок-группа из Манчестера.

9. Приручение цайтгайста

В глубоком бункере, размещавшемся в подвале Министерства внутренних дел, кампания, направленная на то, чтобы сохранить Англию в Королевстве (#ДавайтеДержатьсяВместе), проводила последнее кризисное совещание из ежедневной череды таких же.

Команда Ко, как они себя обозначили, была межпартийной затеей, которую поддержали и правительство, и оппозиция. Руководили ею Джим, министр референдумов, и Берил, его оппозиционная тень, – фамилии в Уайтхолле перестали быть в ходу, чтобы избежать любого душка хлыщового снобского элитизма. Джим и Берил – два прилежных карьерных политика, два фантастически скучных человека без малейшего “звездного качества”, какие имелись у прославленных “знатных зверюг” из “Англии на выход”.

Осознавая, что харизмы у них никакой, Джим и Берил прибегли к услугам поразительно дорогостоящей маркетинговой компании, которая заверила их, что за несколько миллионов фунтов общественных денег “бренд” Команды Ко окажется “напрямую впаян в цайтгайст”.

Нужда в этом была безотлагательная. Команду Ко загнали в угол.

А вышло это потому, как объяснил Тоби, мужик из поразительно дорогостоящей маркетинговой компании, что

“бренд” Команды Ко попросту слишком негативный.

– Вы только и делаете, что говорите людям, как развал Королевства приведет к неизбежному краху экономики, вызванному бессмысленным жестом взбалмошного членовредительства.

– Потому что это правда, – возразил Джим.

– Правда? Что есть правда? Что “правда” вообще значит? – спросил Тоби.

– Это значит, что мы имеем дело с чем-то фактически верным.

– Ха! – отозвался Тоби. – Треп Игрив говорит, что вы просто заикнулись на “Проекте Безнадега” и не в силах разглядеть “солнечные вершины” впереди. – Он поставил громадный пенный латте, от которого отхлебывал, и нажал на клавишу у себя на компьютере.

Появился ролик с Ютуба – Треп Игрив стоит на мостовой, изображая государственного деятеля, со своим очередным комментарием, какие ему нравилось выдавать во время спортивной пробежки в безразмерных регбистских трусах из флага святого Георгия. “Я, может, и тугой, как смальцевая коврига²⁶ в школьной столовке, – задыхаясь, лопотал он перед преданной сворой медийщиков, следовавших за ним по пятам, – но уж «Проект Безнадега» вижу с ходу. Вот что я скажу этим буревестникам: просто верьте в Англию! Впере-

²⁶ Старинный традиционный вариант английского пряного хлеба, обычно со смородиной и изюмом; в состав теста входит смалец.

ди солнечные вершины”.

Тоби ткнул в клавиатуру, и изображение на экране застыло.

– Нам необходимо быть такими же позитивными и проактивными, как они, – сказал он. – И ключ к этому – связь с миллениалами и зетами²⁷.

Тут Джим и Берил наострили уши. Миллениалы и зеты – демографические группы, которые, если верить опросам, с большой вероятностью встанут на сторону Англии в составе космополитичного, евроориентированного единого Королевства.

А еще они обожали телепрограмму “Остров любви”.

“Попадание”, как объяснил Тоби, – в том, чтобы никакого ума не надо, сразу понятно. А что, спросил он, у нас сразу понятно, никакого ума не надо?

– “Остров любви”, написанный как “ЛюбОстров”. Прямо любовь. Что тут можно не любить? Оно прямиком попадает в цайтгайст.

– Цайтгайст. Мне нравится, – проговорила Берил. – Цайтгайст – это хорошо.

– Программа “Остров любви” – настоящая объединяющая сила в стране, – продолжал Тоби, – и мы упадем ей на хвост.

– Блеск, – счастливо воскликнула Берил.

– Действительно многообещающе, – согласился Джим.

²⁷ Поколение Z – обычно принято считать, что это поколение людей, родившихся между 1995 и 2012 годами.

– Да зашибись вообще как многообещающе, – авторитетно заявил Тоби. – “Остров любви” возродил просмотр телевизора по расписанию. Впервые за пятнадцать лет мы все смотрим и обсуждаем один сериал.

– Мы все? – переспросил Джим, личный парламентский секретарь премьер-министра, достаточно взрослый, чтобы помнить, как “От работы кони дохнут” собирали на Рождество по двадцать миллионов зрителей²⁸.

– Ну, три миллиона нас, но зато *все* – миллениалы и зеты, и в демографическом смысле это вам прям Святой Грааль. Гляньте на логотип, ребята. Мы *очень* довольны. – Тоби ткнул в изображение в ПауэрПойнте. Британский остров, выкрашенный в радужные цвета, помещенный внутрь Союзного гюйса в форме сердечка. – Нам кампания представляется так: берем неоспоримый географический факт, что Англия, Шотландия и Уэльс – части *одного острова*, и упираем на это. *Один* остров. Цельный и неделимый. Единство и братство, очерченное *единой* достославной береговой линией, выдержавшей испытание многих столетий. Единое Королевство воистину ЛюбОстров. В самом реалистичном смысле слова. Англия. Шотландия. Уэльс. Три страны. Один остров. Одна любовь. Вместе, включительно. Это, если угодно, и есть *мы*. Блин, да! – Тоби взметнул сжатый кулак.

²⁸ *Only Fools and Horses* (1981–2003, в русскоязычной версии – “Дуракам везет”) – один из самых живучих и популярных телесериалов Великобритании; упоминаемый эпизод вышел в эфир 29 декабря 1996 года и собрал перед экранами 24,3 млн зрителей, абсолютный рекорд для комедийного кино на Би-би-си.

Джим с Берил взгляделись в картиночку. Оба понимали, что чего-то тут не хватает, конечно, однако раздумывали, понимает ли Тоби.

– Это мы... плюс, конечно, Северная Ирландия, – чуть ли не виновато проговорила Берил.

– Прошу прощения? – переспросил Тоби, возвращаясь ладонью к латте.

– Главное в кампании за Англию в составе Союза – собственно Союз. Который, как вы и сказали, охватывает весь *этот* остров – вы его покрасили в радугу, – где Англия, Шотландия и Уэльс.

– Правильно. ЛюбОстров.

– Угу. Плюс верхушка острова, который левее.

– Прошу прощения?

– Остров. Ирландия.

– Какой *еще* остров? При чем тут Ирландия?

– Не “еще”, а остров *Ирландия*. На нем расположена целая единая нация – Ирландская Республика, и она к нам никакого отношения не имеет, это железобетонно, однако есть там и маленький кусочек *нашей* страны, и вот он к нам очень даже *имеет* отношение, – это Северная Ирландия.

– Ах вон что.

– Поэтому на самом деле все не *совсем* так ловко, как вам бы хотелось надеяться. В смысле, по-прежнему ловко. По-прежнему гениально. Вот только нельзя сказать, что Королевство – ЛюбОстров. Можно сказать так: Королевство – это

ЛюбОстров плюс макушечка острова полеее.

– Хм-м. Это не прокатит. Боюсь, придется нам пренебречь Северной Ирландией, если вы не против.

– Ну как раз так мы и поступили при Брекзите, – признал Джим.

10. Тело в выдвижном ящике

Старший инспектор Мэтлок, сержант угрозыска Тейлор и констебль угрозыска Клегг вошли в холодный зал полицейского морга. Там их ждала Кэтрин Галлоуэй, бодрый и энергичный молодой патологоанатом из Министерства внутренних дел.

– Хей, Майк. Или Мик? – уточнила она, протягивая руку. – Я Кейт.

Мэтлок все никак не мог привыкнуть, что люди теперь во всех обстоятельствах обращаются друг к другу по имени, как бы несуразно это ни получалось. Тут же *морг*, ей-богу. Мэтлоку почти пятьдесят четыре. А ей на вид едва-едва на выпускницу вуза годков наберется. И она рвалась звать его Майком – не старшим инспектором Мэтлоком и не Майклом, а Майком, даже *Миком*. Так-таки прямоком взялась называть его кратенько. Он понимал, что не надо считать это нахальством. Были времена, когда он бунтовал против формальностей – носил школьный галстук предельно расслабленным, на занятия в Хендонский полицейский колледж являлся в джинсах в обlipку и “клэшевой” футболке²⁹. Зато теперь не на шутку *скучал* по правилам поведения в обществе.

²⁹ *The Clash* (1976–1985) – британская панк-рок-, постпанк-, регги-, ска-, рокабилли-группа.

Даже электронные письма из банка начинались с “Хей”. “Хей, Майкл. К вопросу о вашем срочном вкладе...” В чем смысл этой настырной чрезмерной фамильярности? В чью пользу? Мэтлок подозревал, что в пользу людей наверху. Очевидно, проще скрыть хищническую суть твоей политики или бизнес-модели, если обращаться к людям, которых собираешься облапошить, унизить и использовать, по имени. Или, как в случае с Мэтлоком, предлагая заметно меньший процент ставки, которая, как ему казалось, была фиксированной в 1,8 %.

Но попробуй заикнись об этом нынче при молодежи.

Он разгрыз еще одну карамельку и приступил к делу, обращаясь к патологоанатому МВД доктору Кэтрин Галлоуэй, с которой был знаком пять секунд, так, будто она ему подруга.

– Хей, Кейт, – отозвался он. – Это...

– Бэрри. Я знаю, мы говорили по телефону. Хей, Бэрри.

– Хей, Кейт, – сказал сержант угрозыска Тейлор. – Это Сэлли.

– Хей, Сэлли, – сказала Кейт.

– Хей, Кейт, – сказала констебль угрозыска Клегг.

– Ну что, Кейт, – произнес Мэтлок. – Бэрри говорит, что у вас для нас мало что есть.

– Боюсь, это так, Мик. А если и есть что, – продолжила Кейт, – я этого не вижу. Сэмми получила всего один точный удар...

– Жертва?

– Да, Сэмми. – Обращение по имени Кейт явно распространяла и на покойников. – Ее сильно ударили по голове чем-то, насколько я могу довольно уверенно судить, похожим на молоток, и это, в общем, все, что нам известно.

Мэтлок ощутил, что слегка дрожит, – и не оттого что в морге холодно. Он так и не привык к смерти, что, как ему казалось, довольно важно для расследующего убийства. Частенько говаривал: если когда-нибудь почувствует, что привык к виду трупов, он тут же подаст заявление о переводе в патрульные.

– Значит, если это было нападение с целью изнасилования, преступник очень быстро удовлетворился? – предположил он.

– Это изнасилование из очень странной категории в таком случае, – отозвалась Кейт. – Ну то есть они все странные, очевидно, однако мне не попадались изнасилования, сводящиеся к одному-единственному удару, да еще и по не интимной части тела – и при этом никаких других признаков насилия.

– Сержант Тейлор говорит, что вы обнаружили семя в анусе у жертвы?

– Если честно, Майк, должна сказать, что я не употребляю слово “жертва”, – сообщила Кейт, – особенно описывая женщину, пережившую нападение. Это лишает ее власти над ситуацией и принижает в ней человека.

– А? – отозвался Мэтлок, не найдясь ни с каким иным откликом.

– Жертвенность пассивна и беспомощна, – продолжила Кейт. – Она отказывает женщине, на которую напали, во власти над собственной персоной. Мы предпочитаем термин “пережившая нападение”.

– Но эта конкретная женщина убита, – обратил внимание Мэтлок.

– Да.

– То есть “пережившая нападение” – термин не очень подходящий.

– Я отдаю себе в этом отчет. Значит, нам нужен новый термин – для тех переживших нападение, которые умерли.

– У вас такой термин есть?

– Нет. Но это важный разговор.

– М-м, – произнес Мэтлок, чуя, как констебль Клегг и сержант Тейлор прыскают у него за спиной. – Может, лучше подберем его в другой раз? Мы обсуждали семья.

– Да. У меня есть проба, – сказала Кейт, – но толку вам от нее не будет почти никакого.

– Почти никакого?

– Она старше нападения на несколько часов.

– Понятно.

Клегг делала пометки у себя в блокноте.

– Может быть, это улика предыдущего нападения, – предположила она. – Может, наш преступник напал на Сэмми

раньше, а затем убил ее, ощущая вину – или страх, что его поймают.

Кейт рьяно закивала.

– Да, абсолютно. Верно замечено, Сэл.

– Спасибо, Кейт.

– Но у вас в отчете значится, что никаких физических подтверждений того, что более ранний сексуальный контакт был насильственным, нет, – сказал Мэтлок.

– Это правда, однако не все изнасилования сопряжены с насилием.

– Нет, – согласился Мэтлок. – Ей вполне могли угрожать дальнейшим насилием или словесно принудили к согласию на сексуальное взаимодействие.

– Как сексуальное взаимодействие, на которое идут по принуждению, может быть по согласию? – спросила Кейт, и в ее прежде беззаботном тоне послышался холодок.

Тейлор тихонько присвистнул сквозь зубы и сделал крохотный шаг назад. Очевидно, он желал дать всем понять, что он в этом разговоре несколько не участвует. Мэтлок тоже уловил, что лед у него под ногами тонкий. Все теперь стало таким *каверзным*. Его фиаско на пресс-конференции – слишком свежее и болезненное воспоминание.

– В смысле, принудили к неохотному согласию, – поправил себя Мэтлок.

– А это *не* согласие, Мик.

– Не согласие, да.

– Любой секс, в котором вовлеченность обоих партнеров не отчетлива и не однозначна, – это секс без согласия.

– Да. Конечно, – согласился Мэтлок.

– То есть изнасилование.

– Правда?

– Абсолютно.

– Верно. Ладно. Пусть, – сказал Мэтлок. – Итак, по наличию семени в теле жертвы можем заключить, что у нее был секс приблизительно за семь часов до того, как ее убили, и этот секс мог быть по согласию, или же ее могли ненасильственно изнасиловать.

– Думаю, это странная формулировка – “ненасильственно изнасиловать”, полное противоречие понятий, – отозвалась Кейт, – но пусть.

Мэтлок решил на минутку отвлечься от темы изнасилования. Обратился к Тейлору:

– И мы совершенно уверены, что это не ограбление?

– Настолько, насколько это возможно, шеф. Сумочка была при ней, деньги и карточки на месте. Часы и сережки – на ней. Даже телефон не забрали.

– Итак, в отношении мотива у нас есть возможное, но полностью гипотетическое нападение с целью изнасилования – и больше ничего. – Мэтлок вздохнул. – Давайте на нее глянем.

– Надеюсь, вам удастся что-нибудь найти, – сказала Кейт, таща на себя за ручку один из холодных выдвижных ящиков в стене. – Как я уже говорила, никаких интересных особен-

ностей я не обнаружила.

Появилось укрытое простыней тело, воцарилось молчание. Все четверо присутствующих внезапно осознали, что предмет их абстрактного обсуждения действителен, он перед ними, физически в одной с ними комнате. Совсем недавно – живой, дышащий человек, такой же, как они, со своими надеждами и мечтами, готовый делиться любовью. А теперь – остывший, под простыней в морге.

Когда холодный ящик выдвинулся целиком, Кейт принялась скатывать простыню.

– Сильное лицо и выдающаяся нижняя челюсть, довольно широкие плечи, – произносила она попутно. – Вес тела семьдесят один килограмм. Никаких видимых травм.

– Какая жалость, что этот трусливый мерзавец подобрался к ней сзади, – заметила Клегг. – Сдается мне, эта девушка могла бы постоять за себя.

– Жаль, что ей эта возможность не выпала, – подхватила Кейт. – Смертельный удар нанесли в заднюю часть головы, на передней стороне трупа никаких следов насилия нет. Ни единого ушиба.

– Даже лицо спокойно, – заметил Мэтлок. – Могло б показаться, что она сейчас откроет глаза и выберется из ящика.

Кейт отвернула простыню еще немного, и показались довольно крупные, но упругие груди.

– Бюст наращен, – отметила она. – Минимальные сопутствующие шрамы. По крайней мере годичной давности и с

нападением не связаны. Широкий торс. Лишнего веса нет, но талия не выраженная.

Простыня свернулась еще раз.

– Выраженный пенис. Крупные яички. Опять-таки, никаких следов травм. – Кейт полностью сняла простыню. – Ну что ж. Перевернем ее на живот?

11. Они теперь и флирт объявят вне закона!

Историчка-феминистка Крессида Бейнз глубоко вздохнула и собрала волю в кулак. Мало у кого кишка не тонка закатывать публичные скандалы – натура и воспитание Бейнз шумно восставали против. *Серьезно*, она не хотела устраивать все это, но чувствовала, что выбора у нее нет. Этот вечер должен стать масштабным шагом в ее самопровозглашенной кампании исправления исторического гендерного неравновесия и призыва патриархата к ответу за былые грехи. Прежде ее активизм почти целиком сводился к лоббированию в сети и вежливым сессиям вопросов-ответов на всяких литературных фестивалях, но теперь Крессида Бейнз решила перенести свою борьбу на физическую общественную арену.

– Дамы и господа! – обратилась она к многолюдному театральному фойе. – Спектакль, на который вы сегодня пришли, – не более чем чествование откровенного сексуального хищника! Призываю вас пересмотреть совершенный вами выбор и присоединиться к моему протесту.

Звезда спектакля, против которого протестовала Крессида Бейнз, находился за кулисами у себя в гримерке и понятия не имел, что его жизнь того и гляди переменится.

Родни Уотсон отвел взгляд от зеркала. Нельзя смотреть. *Нельзя смотреть.*

Они тебе за это устроят. Ой устроят, будь уверен. Они тебе хештег прилепят, глазом моргнуть не успеешь. Хешнут тебе твой блядский тег.

До чего ж скучно. Как же уныло. Как же *безрадостно*.

Он тосковал по тем денькам, когда можно было не только пялиться на груди своей гримерши, пока она поправляет на нем парик, но и комментировать их. “Как пить дать, твой парень ценит эти твои штуки, моя миленькая!” или “Чуть не забыл – надо прикупить дынь”.

Им это *правилось*. В те времена девчонки были закаленнее. Чего ж чуток не позубоскалить. В шутку же всё.

А теперь ему нельзя даже *смотреть*.

Нельзя жадно смотреть на отражение этих обтянутых футболкой грудей, что чиркали ему по уху, пока ему в волосы вцеплялись зажимы, или обводить взглядом очертания бюстгальтера под тканью. Выискивать намек на сосок. “Ого! Холодина снаружи, моя миленькая? На этих вон можно пальто со шляпой повесить”.

Нельзя теперь. Уже нельзя.

Приходится глазеть в потолок. Только так. Иначе за тебя возьмутся. Эти современные девочки-“снежинки”³⁰ с их

³⁰ “Снежинка” – возникшее в 2010-е годы осуждающее обозначение человека с чрезмерным чувством собственной уникальности, исключительных прав или же очень эмоционального и сверхчувствительного к мнениям, отличным от собственного. Бытует также понятие “поколение снежинок”.

#ЯТоже, #ВремяВышло и #НеОттенок-блядь-Серого. Они тебя размажут одним твитом.

Его размышления прервал стук в дверь.

– Пять минут до выхода, мистер Уотсон, – послышался голос помощницы режиссера.

– Спасибо! – отозвался Родни. – Доделываю лицо, кисуль.

Это ладно. Обращаться к девушкам “кисуля” позволялось, потому что здесь театр, а в театре люди зовут друг дружку кисулями испокон веку.

Родни давал своего “Пипса”. Свой прославленный спектакль одного актера – простите! спектакль одной *персоны* – о знаменитом госслужащем и хроникере XVII века. О гении, знаменитом отце современного флота, оставившем к тому же записки очевидца о Пожаре Лондона и Великой чуме.

“Пипса” Родни давал в промежутках между кино- и телепроектами. Краткие провинциальные гастролы или сезоны в каких-нибудь лондонских театрах помельче сближали его с живой аудиторией. Да и *очень* приятный небольшой заработок получался, спасибо-спасибо, *кису-у-уля*.

Да и вообще-то жизнь неплохая. Играешь “Пипса”. Встаешь поздно. Выбираешь, где бы славненько пообедать. После обеда – куда-нибудь в галерею или в кино (если ранних спектаклей нет), два часа тебя обожают и тебе аплодируют, а следом приятный пустяковый поздний ужин с друзьями. Конечно, было б веселее, если в антракте пытаться трахнуть свою костюмершу. Он когда-то внимательно следил за тем,

чтобы ему доставалась красotka, и получалось хорошее развлечение клеить их, даже если они не поддавались. Охотничий азарт. Но, конечно, *такое* больше не устроишь. До чего ж уныло. До чего *безрадостно*. Просто забава такая, да и только. Девчонкам оно было нипочем. Всегда могли сказать “нет”, правда же?

Как бы к “я, блин, тоже” отнесся Пипс?

Да, блин, без восторга.

Пипс ого-го был проказник. Как раз такой, что Родни по душе. Ни единой юбки не пропускал. Потому что *любил* женщин. Родни женщин тоже любит. *Обожает* их. Вот во что эти я-блин-тожки не *врубаются*.

Вот почему играть Пипса так *весело* – из-за его любви к женщинам. Великий охват истории – дело хорошее, но именно потаенные записи у него в дневнике, те самые, что он зашифровывал, делали спектакль живым. Постоянно тискать служанок, заставлять дрочить ему в экипажах, откровенно выменивать профессиональные одолжения на секс. Да он был просто отпетый! Всегда готов сдать какого-нибудь парня во флот, если женушка у него хороша собой и не возражает. Такие эпизоды публика обожала – похабные эпизоды.

Жми, Пипс! Запирайте ваших дочерей!³¹

³¹ Отсылка к лондонскому мюзиклу *Lock Up Your Daughters* (1959) и одноименному британскому фильму (1969), по комедии (1730) Генри Филдинга, известной под названиями *Rape upon Rape*, *The Justice Caught in His Own Trap* и *The Coffee-House Politician*; в рус. перев. К. Чуковского и Т. Литвиновой – “Политик из кофейни, или Судья в ловушке”.

И разумеется, Родни выпадала возможность явить свою *комедию*. Люди всегда удивлялись, до чего хорош он в комедии. А все оттого, что в кино он всегда играл злодеев. Только такие роли америкашки дают в наше время актерам-бриттам.

Особенно теперь, без Харви. Боже, как он скучал по Харви. Старый хрен, может, и был слегка мерзавцем тихой сапой, зато давал бриттам шикарные роли. Кто теперь в Америке станет подкармливать по-настоящему шикарное британское кино? Фильмы типа “Король говорит”, “Английский пациент”, “Влюбленный Шекспир”, “Моя левая нога”, “Железная леди” и “Королева”? И все прочие. Десятилетиями. Чуть ли не всеми “Оскарами”, которых мы получили за тридцать лет, мы обязаны Харви. Да вы гляньте на наш кинопром без него! Ха! Какой пром? Не-америкосовское англоговорящее кино утратило своего единственного кормильца, потому что единственный весомый американец, которому было не поебать на это самое кино, клеился к нескольким дурацким актрискам. Бля, вы хоть головой-то подумайте.

Именно из-за таких вот дурацких актрисок Родни вообще приходилось играть “Пипса”. Он как оscarоносный актер по всем статьям мог бы выбирать себе голливудские роли. Да! Оскароносный, кис-суля! Лучший актер второго плана.

Потому что ему выпала возможность. Настоящий большой прорыв. Он *получил эту роль*.

Крупнейшая британская киностудия с характерно самоуничижительным пост-ироническим британским названием

“Мы с вами ланчуем” взяла его в “Королевский чулан”, и сопродюсировать и распространять этот фильм собирался “Мирамакс”! Харви в игре! Господь, цитируя Мэрил Стрип, собирался пролить свой божественный свет! Лучшая новость, на какую *любое* британское кино вообще способно рассчитывать. И на этот раз он будет Колином, блядь, Фёртом!³² Хотя раз кто-нибудь помимо Колина, блядь, Фёрта сыграет Колина, блядь, Фёрта. И этим человеком будет он, Родни Уотсон! Ничто и никогда его так не воодушевляло. Его агент прислал ему магнум “Круга”³³.

Но следом настало то утро – 5 октября 2017 года, а с ним возникла статья в “Нью-Йорк Таймс” с подробностями “десятилетий домогательств”.

Домогательств? Хорош заливать, котики.

Хорош, бля, заливать, ум-м-моляю.

Эти девицы понимали, что делают. Неужели все было действительно так ужасно? Да он бы сам хоть отломанной ручкой от метелки в зад – ради “Оскара”-то, кис-суля.

Харви сделался “токсичным”³⁴, “Королевский чулан” так

³² Колин Эндрю Фёрт (р. 1960) – британский актер театра, кино и телевидения, знаменит, в частности, своими ролями в фильмах “Английский пациент” (1995), “Влюбленный Шекспир” (1996), “Дневник Бриджит Джонс” (2001), “Реальная любовь” (2003), “Моя ужасная няня” (2005) и мн. др. (все названия фильмов приводятся в соответствии с их вариантами в российском прокате).

³³ *Krug* (с 1843) – марка дорогого французского шампанского, ныне принадлежит транснациональному конгломерату “Моэ Хеннесси – Луи Вюиттон”.

³⁴ Оксфордский словарь включил понятие “токсичный” в список ключевых в

и не сняли. Без исполинского влияния Харви очередной британский фильмец об очередном мятущемся, блядь, монархе был никому не интересен.

А потому он вернулся к “Пипсу”. Доброму старому Пипсу. К своему чудесному запасному варианту. Самолично написанному (преимущественно), самолично поставленному, самолично спродюсированному. Никаких отчислений за цитаты из дневников, потому что им четыреста лет. Блеск.

Миленький заработок – да и, блин, отличная потеха.

Пипс оставался при нем.

Парик нацеплен, вислые брыля обрамлены каскадами буклей.

– Мне вам надеть шляпу, Родни? – спросила его гримерша. – Или вы сами?

– Лучше вы, Беки, будьте любезны. – Он крутнулся на кресле, чтобы сидеть к ней лицом.

Пусть надевает спереди. Так ему достанется всё – прямо в лицо. Мило. Он уже *чуял* ее футболку.

Спасибо и за мелкие радости.

Опять стук в дверь.

– Я и в первый раз вас слышал, кисуль! – крикнул Родни со “звездным” раздражением.

– Вообще-то, Родни, котик, можно я войду? – Нет, это не помощник режиссера – смазливая штучка, но *до чего же*

мрачная. Это Джайлз, управляющий театра. – Неувязка у нас, котик. Вы мне нужны на пару слов.

Джайлз вошел, а костюмерша Беки воспользовалась возможностью убраться вон.

– Вы тогда сами шляпу наденьте, Родни, – сказала она чуть ли не на бегу.

Обманутый в своих ожиданиях крупного плана ее груди, Родни смотрел вслед удалявшейся попе. Славная попа. Он по-прежнему получал удовольствие, наблюдая, – когда мог, пусть и получалась своего рода пытка. Мелкие радости.

– Неувязка, котик? – переспросил он у Джайлза, болтавшегося в дверях.

– И крупная. Не могу открыть зал, котик. В фойе битком протестующих.

– Протестующих?

– Да, котик. Похоже, это продолжение нового хештега, начатого какой-то феминисткой-историчкой по имени Крессида Бейнз. #ПомнимИх.

– Кого помним?

– Переживших насилие в прошлом.

– В смысле, жертв Сэвила? Или Ролфа Хэрриса?³⁵

³⁵ Сэр Джеймс Уилсон Винсент “Джимми” Сэвил (1926–2011) – английский диджей, телеведущий, благотворитель; через год после его смерти полиции стали известны многочисленные сексуальные преступления сэра Сэвила, жертвы – преимущественно несовершеннолетние. Ролф Хэррис (р. 1930) – австралийский комик, актер, музыкант, художник; в 2013 году был обвинен в растлении малолетних, происходившем в 1960–1980-е.

– Нет. Я имею в виду умерших переживших... В смысле, переживших, которые с тех пор уже умерли. Естественной смертью. Она призывает всех историков и вообще всех любителей истории сделать движение “ЯТоже” полностью ретроспективным. #ПомнимИх. Понимаете? Она говорит, что Пипс был сексуальным хищником, а вы его чествуете. Что ваш спектакль – апология насилия.

Родни помстилось, что это все наверняка розыгрыш.

– Сэмюэл Пипс – одна из знаменитейших фигур века! Королевский морской музей совсем недавно устраивал полную обзорную экспозицию по нему. Я присутствовал на открытии. Произносил речь. Глазам своим не поверил: вместо полноценной шампани подавали просекко.

– Похоже, как раз об этом мисс Бейнз и говорит. Не о просекко. Об этой самой выставке – и о вашем спектакле. Продолжающееся воспевание секс-чудовища. Вот против чего она выступает.

– Секс-чудовище? Сэмюэл Пипс?

– Она утверждает, что его дневник, по сути, полное уголовное признание в ежедневных нападениях на служанок, домогательствах по отношению к женщинам на улице, в театрах и церквях, а также обмену профессиональной протекции на секс.

– Ну да, все так, это правда, – согласился Родни. – Дневники эти несколько *похабны*. Но публике эта сторона дневников Пипса всегда казалась в своем роде... обаятельной.

– Обаятельной? Серийные половые домогательства?

– Да. Откровенность Пипса. Он писал об этом так *откровенно*. И он всегда так *кается* после. Что ни ночь – он отправляется в постель сокрушенный вдребезги, клянется, что к щелке своей служанки и пальцем больше не притронется. Это, в общем, очаровательно.

– Очаровательно?

– Ну, так это всегда играли. И в театре, и в кино. Стив Куган сравнительно недавно дал Пипса отлично. “Личная жизнь Сэмюэла Пипса”³⁶. Там под завязку всякого трах-ти-бидоха и ой-ёй-ёй, уверяю вас. Я играю его точно так же. Блистательный старый обалдуй-козлодой, который не умеет держать руки при себе, вечно по девушкам. И жену свою он любит. Это же *такая* трогательная часть спектакля.

– Времена, боюсь, меняются, Родни.

– Но не для Сэмюэла же, блядь, Пипса, котик! Для него время перестало меняться в 1703 году, когда он помер. Пипс – национальное достояние. И кстати о временах, Джайлз, – мы уже на пять минут опаздываем. Сколько, по вашей оценке, вам понадобится, чтобы убрать их?

– Убрать их?

– Да. Протестующих. Расчистить фойе и впустить людей. У меня в “Плюще”³⁷ забронирован столик на десять пятна-

³⁶ Стив Куган (р. 1965) – английский актер, комик, продюсер; *The Private Life of Samuel Pepys* (2003) – британская телекомедия на канале Би-би-си-2.

³⁷ *The Ivy* (осн. 1917) – лондонский ресторан, популярный среди богемных зна-

дцать, и если опаздываешь, они за него усаживают на отпущенные четверть часа кого-нибудь из тех, кого недавно выперли с “Острова любви”.

– Убрать их? – переспросил Джайлз. – Вы хотите, чтобы я силой выгнал законных протестующих, для того чтобы гетеросексуальный белый мужчина изображал на сцене полового преступника в виде жизнерадостного охотника до мокрощелок? Вы спятили? Не собираюсь я их прогонять. Я собираюсь отменить ваш спектакль и размежеваться с вами. Мы уже обнародовали заявление, в котором сообщаем, что ваше представление Сэмюэла Пипса никак не отражает ценностей этого театра. Мы – не таковы.

Родни Уотсон ошарашенно вытаращился на Джайлза.

– Вы отменяете мой спектакль?

– Конечно, отменяем. Пипс – долбаный насильник. Жаль ужасно, однако что тут поделать? Попробуйте взглянуть на это с моей стороны.

Вот тебе и на.

Его бросают на съедение волкам по “ятожкиному” капризу. Как и любой управленец с тех пор, как “Нетфликс” выпер Кевина Спейси³⁸, Джайлз ставил на лидера. Применяя при

менитостей и театралов, расположен на Уэст-стрит в центре города.

³⁸ Кевин Спейси (р. 1959) – американский актер, кинорежиссер, сценарист, продюсер, певец; осенью 2017 года был обвинен в сексуальных домогательствах, совершенных в 1980-е годы, но летом 2019-го обвинения сняли, однако американская развлекательная компания “Нетфликс” (осн. 1997) успела расторгнуть все отношения со Спейси, устранив его из последнего сезона сериала “Карточ-

этом молниеносный и бескомпромиссный подход к минимизации ущерба, какой в индустрии развлечений стал теперь обычным делом.

Эта бабушка Бейнз разделала его, как селедку. Родни понимал, что он себя отстоять не сможет. Пипс считался достоинством нации триста лет подряд, но с точки зрения двадцать первого века он, очевидно, — гнусный мерзавец. Вайнштейн семнадцатого века, привычно пользовавшийся собственным положением и властью для утоления своих зверских половых appetitov. И вот стоило кому-то ткнуть в это пальцем, стало ясно, что вся торговая марка “Пипс”, на которую Родни так тяжело трудился и которая в годы, когда не было съёмок, обеспечивала шампанское и шикарные обеды, в одночасье и полностью сделалась токсичной.

Как тут выкрутиться?

Воевать с этим без толку. Невозможно защитить кого бы то ни было от преступлений, за которые в наши дни загремишь в тюрьму.

Но молчание ничем не лучше. С этого мига любой поисковый запрос на его имя в Гугле приведет к #ПомнимИх. Что, в свою очередь, разумеется, приведет к #ЯТоже, #НеОК, #ВремяВышло и #ПиздецКарьере.

Вина по ассоциации. Его имя того и гляди добавится к списку, какой в прессе обычно следовал за именем Вайн-

ный домик”, где Спейси играл одну из главных ролей, и заморозив биографический фильм “Гор”, тоже со Спейси в главной роли.

штейна. Неважно, что ты натворил или в каких проступках тебя обвиняли, – если долбаным медийщикам выпадает возможность впихнуть тебя в список, начинающийся с Вайнштейна, они тебя туда впихнут.

Нужно себя отстоять. И поживее.

Никогда не подставляй зад. Вставай, борись.

– Будьте любезны, отмените спектакль по *моему* настоянию, Джайлз, – проговорил Родни, – и пригласите мисс Бейнз за кулисы. Я желаю обсудить с ней насущную необходимость преследовать Сэмюэла Пипса по суду.

12. Наплюй на херню

Может, доктор Кейт Галлоуэй и заметила потрясение на лицах Мэтлока, Клегг и Тейлора, но ничего на этот счет не сказала. Свернула простынку, сложила ее сбоку и переспросила, желают ли полицейские повернуть тело, чтобы осмотреть рану.³⁹

Мэтлок обрел голос.

– В своем отчете вы сообщили, что вскрытие никаких очевидных новых примечательных особенностей не показало, – проговорил он.

– Спереди – нет, – сказала Кейт. – Как я уже говорила, удар был нанесен сзади. Чтобы помочь мне перевернуть ее, вам придется надеть пластиковые перчатки.

– Простите, Кейт, но вам не кажется, что хер и два яйца – примечательные особенности?

Пауза. Секунда-другая, показавшиеся куда более протяженными.

– Нет.

– Нет?

Температура настроения у Кейт внезапно сделалась ниже, чем в холодной комнате.

– Отчего член и яички могли бы показаться мне приме-

³⁹ Отсылка к названию альбома британской панк-группы *Sex Pistols* (1975–2008) *Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols* (1977).

чательными особенностями? У половины людей на планете такие есть.

– Но ни у единой женщины.

– Ни у единой цис-женщины, Мик. – Лицо у Кейт совершенно заледенело. – Зато есть у многих самоопределяющихся женщин.

Мэтлок ожесточенно пососал карамельку. Божечки. Почему в наши дни все непременно должно быть таким *каверзным*? Минное, блядь, поле. Господи, как же сейчас пригодилась бы сигарета.

– И вы не считаете, что это сама по себе примечательная особенность? – спросил он.

Кейт сердито уставилась на него.

– Уж не хотите ли вы сказать, что мне следовало сообщить об этом в моем первом отчете?

– Ага, вообще-то хочу.

– Вам не кажется, что сосредоточенность на гениталиях Сэмми намекала бы на предубежденность?

– Предубежденность?

– Трансфобную предубежденность. Которая, как вам известно, не только противоречит нашему полицейскому кодексу поведения, но и, прямо скажем, закону.

– Что за х... Что за фигня еще такая трансфобная? Мы убийство расследуем. Тут не урок социологии.

Кейт вздохнула, явно совершая некоторое внутреннее усилие, чтобы сдвинуть свои раздражение и обиду к чему-то

похожему на терпимость к этому жалкому невежественному мужчине из XX века.

– Сэмми была женщиной, – подчеркнуто терпеливо проговорила Кейт. – Она определяла себя как женщину и находилась в переходном процессе. Как видите, она уже обзавелась грудями, а в ее теле обнаружены признаки приема гормонов.

– Но, с вашей точки зрения, это для нашего расследования не значимо?

– Удар нанесли в затылочную часть головы. Тело доставили без повреждений одежды. Нет никаких признаков того, что с гениталиями Сэмми что-то делали. Позвольте *мне* задать вам вопрос, Мик. Если бы жертвой оказалась *все-таки* цис-женщина, как вы столь предсказуемо сочли по у молчанию – эка невидаль, – и если бы ее привезли в *точности* таком же состоянии и в тех же обстоятельствах, что и Сэмми, вы бы ожидали от меня отчета, в котором говорится, что жертва – женщина с влагалищем?

– Нет, не ожидал бы, но...

– Тогда почему вы требуете от меня упоминаний, что Сэмми была женщиной с пенисом? – Вопрос повисел в воздухе миг-другой, после чего Кейт холодно добавила: – Вы же принимаете тот факт, что Сэмми была женщиной, верно, Мик?

Мэтлок знал правильный ответ на этот вопрос и потому отозвался быстро и уверенно:

– Да, доктор.

Ответ был быстр и уверен, чтобы не навлечь на себя профессиональное осуждение, однако недостаточно проворен для убедительности человеческой. Перед тем как это сказать, Мэтлок явно помедлил самую малость. Кейт это уловила и испепелила Мэтлока взглядом.

Тейлор и Клегг смущенно пялились в пол. Расследование грозило влипнуть в историю не той ногой.

Мэтлоку тоже было ужасно неловко. Он *действительно* принимал тот факт, что труп перед ним – женский. Правда. Они с Нэнси бесконечно говорили об этом, поскольку в “Гардиан” на эту тему статьи выходили, похоже, ежедневно. Мэтлок определенно понимал и принимал разницу между полом и гендером. На то, чтобы привыкнуть к тому, что можно иметь член и быть при этом женщиной, потребовалось некоторое время – усваивать и впрямь приходилось опрометью, – но Мэтлок *все же* справился. Он достаточно всякого прочел и ему хватило всяких просветительских курсов, чтобы понимать: гендерная дисфория существует. Некоторые люди ощущают эмоциональную и психологическую нестыковку со своим биологическим полом, а общество решило признавать законность выбора, который эти люди совершили. Мэтлок все понимал и рад был приветствовать. Но он знал, что глубоко внутри этого не *ощущал*. Ему по-прежнему было невозможно рассматривать биологически мужской труп и безоговорочно считать его женским. Политически и публично он соглашался на сто процентов. Наедине с собой ему это

по-прежнему давалось с трудом.

– Да, – повторил он уверенно, глядя Кейт в глаза. – Я целиком и полностью принимаю тот факт, что Сэмми была женщиной, потому что таков ее выбор.

– Следовательно, вам придется согласиться и с тем, что с моей стороны вышло бы назойливо и генитально-центрировано, введи я транс-статус Сэмми в свой отчет?

– *Генитально-центрировано?*

– Едва ли не самое оскорбительное, с чем приходится иметь дело транс-людям, – цис-одержимость состоянием их гениталий.

– Она – *труп*. Она уже ни с чем больше дела не имеет. – Мэтлок понимал, что вынужден отстаивать то, что считал здравым смыслом. Он расследовал убийство, а не произносил речь перед каким-нибудь долбаным студсоюзом. – Мне об этом деле необходимо знать все, Кейт, – сказал он. – Мне нужно знать, *кто Сэмми была такая*.

– Правда? – резко спросила Кейт. – Вас зачаровывает генитальный статус во всех случаях убийств, которые вам приходится расследовать? Если наркомана мужского пола пырнули ножом при попытке добыть метамфетамин, вы бы стали обсуждать его хер с консультантом-патологоанатомом?

Боже, ее не перегнешь. Мэтлок попытался сосредоточиться на своих доводах.

– Мы ищем мотив убийства! В большинстве убийств на почве наркотиков или в среде организованной преступности

мотив очевиден. В данном случае это не так, и я предполагаю, что трансгендерный статус Сэмми мог бы, вероятно, такой мотив нам дать. Сэмми могла быть жертвой преступления на почве нетерпимости.

Мэтлок подумал, что заработал себе победное очко. Против такого не попрешь, это точно. Он заблуждался.

– А вам не кажется, что жертвами преступлений на почве нетерпимости могут быть и цис-женщины? – поинтересовалась Кейт.

– Что, простите?

– Вы утверждаете, что я упустила отметить в отчете член и яички этой женщины, потому что это могло бы подсказать вам мотив преступления. Что это убийство могло быть преступлением на почве нетерпимости. Окажись Сэмми цисгендерным человеком, исключило бы это вероятность того, что она могла оказаться жертвой преступления на почве нетерпимости, по-вашему? Влагалище у них или член – или ни того ни другого, – все женщины рискуют оказаться жертвами преступлений на почве нетерпимости. Вы слышали о движении невольно воздерживающихся?⁴⁰ Хоть раз бывали

⁴⁰ Невольно воздерживающиеся (*incel*, от англ. *involuntary celibate*) – сложившееся в 1990–2000-е годы интернет-сообщество людей, подолгу не вступающих ни с кем в половые отношения не по причинам физической невозможности. Изначально миролюбивое сообщество одиноких в 2000–2010-х приобрело агрессивные черты и переродилось в почти исключительно мужское гетеросексуальное пространство с сильными мизантропическими, мизогинистскими и экстремистскими настроениями. С 2014 года в уголовных преступлениях, совершенных на почве ненависти людьми, причастными к группам невольно воздерживающихся,

в женских убежищах? А? Мик?

Кейт была из тех людей, которым нравилось не только обращаться к другим по имени, но и применять имена как боевое риторическое оружие.

– Да, доктор Галлоуэй, был, – ответил Мэтлок, – и хорошо знаю, что происходят преступления на почве нетерпимости и против цис-, и против транс-женщин, однако предположил бы, что люди, совершающие такие преступления, относятся к разным категориям. Категории эти, вероятно, пересекаются, однако все-таки различаются. И в данном конкретном случае я расследую убийство Сэмми.

– Да, Мик. И теперь, осмотрев труп, вы осведомлены и о биологическом поле этой женщины, и о ее гендерном самоопределении. Эти данные вы получили в условиях уважения к выбору, совершенному покойницей при жизни. Вам с этим трудно, Мик?

– Давайте перевернем ее и поглядим на рану.

13. #HeOK

Палец Джемаймы Тринг завис над кнопкой. Нажать на “Отправить”? Она понимала, что никакого *серьезного* домогательства не случилось. Никакого насилия. Никакого физического принуждения. Ну или считать ли небольшое давление на ее подбородок, чтобы приподнять ее лицо к его лицу, физическим принуждением? Тогда ей так не показалось. Но с тех пор она призадумалась.

Даже если оно и не было физическим, ОК ли это?

Или не ОК?

Не вполне #ЯТоже, но все-таки #HeOK.

Не насилие. Не злоупотребление.

Просто #HeOK.

Того поцелуя ей однозначно не хотелось. Уж во всяком случае, не хотелось второго. Определенно. Разве Кёрт не должен был это осознать? Да если б и нет, он разве имел право ее целовать – если учесть, что она знает, что он наврал, будто хочет составить с ней пару? А она была очень пьяная. Это он совершенно точно знал. Последний бокал вина он притащил ей сам.

Она знала, что это не было домогательством. Но ей все-таки казалось, прямо по-настоящему казалось, что это #HeOK.

Джемайма нажала на “Отправить”.

14. На Острове любви грядут бури

У производственной группы “Острова любви” утро выдалось трудное. Беды начались в разгар ежедневной планерки, посвященной ближайшим выпускам программы. Редакторы, помрежи и помощники постановщиков – целая небольшая армия – делились результатами и впечатлениями от улова, принесенного прослушиваниями. Обменивались фотоснимками, отсматривали записи, делали маленькие ставки на то, сколько в этот раз наберется девушек, описывающих себя как “веселых и общительных, но при этом сильных и неистовых”, и сколько молодых людей, заявляющих, что они “крутые с девчонками”.

Все уже собрались подступиться к щекотливой задаче определения характеров в эпоху повсеместной косметической хирургии. Программа целиком зависела от пристального внимания аудитории к сюжетным линиям каждого участника, однако исследования показывали, что зрителям все труднее давалось распознавать лица, в особенности – участниц программы.

– Попросту говоря, среди этих блондинистых девах с набухшими губами, с грудями во все стороны и с бровями в кучку разобрать, кто есть кто, жуть как трудно, – громко посетовала исполнительный продюсер и шефиня Хейли Бернстин. – Может, как-то выкрутимся с украшениями. Ка-

кой-нибудь одной нацепим тиару? А еще кому-нибудь – громадные серьги? Что угодно, лишь бы различать их между собой.

Возможности обсуждать это дальше не выпало, поскольку тут все узнали новость, что Команда Ко присвоила исковерканное название программы для своей кампании продвижения недискриминирующе-радостной сути Королевства в грядущем референдуме по вопросу английской независимости.

Первой у себя в новостной ленте углядела эту весть нервная младшая редакторша по имени Дейзи. Дейзи было всего восемнадцать – самая юная участница команды. В поколенческом цикле социальных медиа счет шел на месяцы, и Дейзи всегда все узнавала первой – и всегда оставалась подключенной к самым сообразным мобильным приложениям. Фейсбук – это для бабушек, Инстаграм – для мам, по ее мнению. Поэтому она лучше всего улавливала молниеносные сдвиги моды и фокуса в интернет-настроениях. На проектах типа “Острова любви”, существовавших полностью в моменте, Дейзи была канарейкой в угольной шахте – или же, если в сетевых понятиях, “коктейльной утей”⁴¹ в Вотсапп. Вот почему именно Дейзи всякий раз первой заглядывала в ту но-

⁴¹ От англ. *Milkshake Duck* – международный интернет-мем, возникший 12 июня 2016 года, обозначение человека или сетевого персонажа, который кажется поначалу обаятельным, но вскоре выясняется, что у него имеется какая-нибудь непривлекательная скрытая история. Оксфордский словарь английского языка включил это понятие в список самых значимых в 2017 году.

востную ленту, какую предпочитала публика ее поколенческой прослойки толщиной с облатку, и докладывала остальной команде веяния того, какова в данную секунду “общенациональная повестка”.

– Они назвали свою Команду Ко “ЛюбОстров”, – выдохнула Дейзи, читая с телефона. – А это наше название. Очевидно.

– Ну, не выйдет, – рявкнула Хейли. – Засудим.

– Там не как у нас.

– Не как у нас?

– Л-Ю-Б-Остров.

– Господи, какой же это вонючий *отстой*. Ну короче, плевать мне, как оно там у них. Мы первые.

– Первые, кто произнес “любовь”?

– В контексте “острова” – они же с этого передирают. Можем судиться, Дейв?

Дейв имелся, как полагается, – то есть отвечал за юридические дела и подобную муть.

– Вряд ли, – сказал он. – Любовь – это типа всеобщее достояние, как ни напиши.

– Может, оно и к лучшему, – вставила Дейзи. – У этой новости куча “сердечек”, “смайликов” и воздушных шариков. Хейли это не убедило.

– Это политика. Мы в политику не лезем. Ну, кроме Дремулей Телки.

Все многозначительно закивали. Дремучая Телка – одна

из самых популярных штучек всей программы. Убойно шикарная секс-бомба с таким провинциальным выговором, что аж все гласные в труху: на нее можно было полагаться в том, что она нет-нет да и ляпнет что-нибудь уморительно невежественное – типа “А Россия у нас в Нью-Йорке?”.

Но дело не в Дремучей Телке – Хейли беспокоило, что ассоциация с каким-то конкретным лагерем в общенациональной полемике может сработать против интересов программы и бросить тень на их торговую марку.

– Любой потенциальный голосующий из лагеря “Англии на выход”, – проговорила Хейли, – услышав “ЛюбОстров”, подумает не о солнце, сексе и сангрии, а о самодовольных, спесивых, градоцентричных из среднего класса неолиберальных любителей латте, не имеющих ни малейшего понятия о том, что происходит в “реальной” Англии.

– Вы считаете, Хейли, что сохранение Королевства в целостности – вопрос из категории “латте”? – спросил Дейв-по-юридическим-делам-и-подобной-мути.

– Конечно же, это из категории “латте”! – гаркнула Хейли, попивая свой латте. – Латтелюбивая либеральная элита и их медийные дружки не имеют ни малейшего понятия, до чего глубоко “реальный” народ, которому приходится разгребать “реальные” проблемы, не выносит Лондон, Брюссель и блядские долбаные понты скоттов! Без-обид-Хэмиш-это-все-прикола-для-ты-ж-понимаешь-я-на-самом-деле-не-такая.

Хейли выдала последнюю часть своего пассажа быстро,

осознав на середине слова “скоттов” (а это очень короткое слово), что ей не на шутку угрожает #бытовойрасизм в Твиттере – и отправка на соответствующие воспитательные занятия. Пять лет назад, возрази Хэмиш, она бы этого мелкого рыжего поганца уволила, и все. Но мир изменился.

– Не беда, Хейли. – Хэмиш великодушно улыбнулся. – Мы хаваем говно от англичан уже тысячу лет. Привыкли. – Хэмиш был “гордым” шотландцем по полной программе, то есть катался домой из Лондона, где жил и работал с универа, на регулярные референдумы по независимости Шотландии, чтобы проголосовать “за” и повидаться с мамой.

Заговорил еще один юный член команды – Годни Рифмас, обиженного вида молодой человек в черном спортивном костюме, ноги, обутое в “найки”, уложены на стол.

– Ага. Вряд ли наши фэны – большие любители латте, неолиберальной херни и чё там еще, Хейли. Это ваще мимо.

Двадцатилетний Годни был у Хейли личным помощником. Ему не очень-то полагалось перечить начальнице, но он был единственным чернокожим за этим столом, а к тому же настоящим грайм-художником⁴², – получалось у него гениально и довольно жутенько. У Годни имелся свой канал на Ютубе и звуковая дорожка на Ай-Тюнз. Подобное жизненное досье – мощный культурный капитал, если сидеть в

⁴² Грайм (от англ. *grime* – грязь, дрянь) – направление в цифровом визуальном искусстве: художник берет чей-нибудь фотографический портрет и средствами Фотошопа дорисовывает изображение так, чтобы получилось нечто похожее на зомби или иное человекоподобное чудище.

кабинете, забитом белой публикой из среднего класса в постоянных корчах от выпавших на их долю привилегий. Даже Хэмишу, который при случае с восторгом разыгрывал карту сердитого-обиженного-скотта со всеми положенными “бунтарскими” коннотациями, приходилось склонять голову перед дворовой крутизной Годни Рифмаса. Правда, стоит отметить, что сам Годни свою крутизну “дворовой” не назвал бы. На языке грайма Годни канал за полноценного районного пацика.

– Вряд ли наша база потянет выстричь Англию из Королевства, Хейлз. А ну как Вест-Кантри следом? Чтоб на “Гластонбери”⁴³ сыграть, паспорт понадобится. Кажись, нам надо *прибратъ это к рукам*. Вякнуть, типа нам отлично зашло, что они у нас подрезали торговую марку для своей кампании, и мы типа надеемся, что референдум у них будет хоть вполовину такой же классный, как наше потрясное шоу.

Хейли к Годни относилась хорошо и считала его суперкрутым, а вот то, что ее лич-пом перечит ей на виду у всей команды, ей не понравилось. Она понимала, что обязана за себя постоять.

– Я просто говорю, – отозвалась она, – что мы в первую очередь инклюзивный сериал. Объединитель нации, торговая марка, заново стянувшая всю Британию к телевизору. Этот народ столько не сплетничал об одной и той же ком-

⁴³ “Гластонбери” (с 1970) – пятидневный фестиваль современного исполнительского искусства, проводится в Пилтоне, графство Сомерсет.

пашке чарующих посредственностей со времен последней королевской свадьбы. Во многих смыслах мы и есть Британия. Вся Британия. В том числе и та ее часть, которая желает растащить Британию на части. Дейв, подготовь заявление: “Остров любви” выше мелочной политики и всякой херни, потому что мы служим высшему идеалу. Так, а теперь давайте-ка, *пожалуйста*, все же попытаемся нарыть восемь огненных телок, которые смотрятся достаточно по-разному, чтобы можно было различить их на телеэкране.

Но не судьба.

Потому что в тот самый миг Дейзи опять посмотрела на экран своего телефона и тихонько пискнула от ужаса.

– О боже мой, Хейли, – выдохнула она. – О *гос*-по-ди. Бля. Нет, правда. Бля!

Хейли в бешенстве вытаращилась на младшую участницу команды.

– Ну что еще?

– Джемайма-Вечная-Драма говорит, что когда Кёрт поцеловал ее у костра, тот поцелуй был не по согласию.

Повисла ошеломленная тишина.

Малютка-восемнадцатилетка Дейзи *сроду* не притягивала к себе столько внимания разом. На нее смотрели все.

– Извините, – нервно проговорила она, до ужаса боясь судьбы гонца, злую весть приносящего, – но глядите сами.

Она вскинула телефон – громадный, почти как планшет, – чтобы все смогли прочесть уничтожающий пост.

“#бомбит!!!! Похоже, Джемайме все же было про что гнать драму! Презируемая всеми изгнанница с виллы включает на полную катушку #ЯТоже против здоровенной загорелой задницы «Острова любви»”.

Никто нисколько не усомнился в серьезности подобных обвинений. Все понимали, на какой планете живут.

– Говорит, что когда Кёрт ее поцеловал, ей стало некомфортно, – продолжила Дейзи тихо, как бы оправдываясь, – а потому она недостаточно внятно обозначила свою добрую волю, и, значит... получилось не по согласию.

– “Некомфортно”! – взревела Хейли. – Опять это долбаное слово. С каких пор стало темой, что человеку по праву полагается “комфорт”?

Тут уже телефоны у всех присутствовавших наверстали упущенное и принялись пищать, жужжать и тарыхтеть на столе – новостные ленты запели свою переверотную песнь.

Телефон Годни переорал всех, завопив сэмпированную басовую партию из ретроклассики 90-х “Гангстерский рай”⁴⁴.

Уже через несколько секунд зазвонили все телефоны в комнате, репортеры просили прокомментировать.

А следом на них накатил тайфун разъяренных твитов.

И все это – в пределах минуты после первого “пинь” у

⁴⁴ *Gangsta's Paradise* – песня дуэта американских рэперов Кулио (Артист Леон Айви-мл., р. 1965) и L. V. (Лэрри Сэндерз, р. 1960) из одноименного альбома 1995 года; в песне использованы сэмплы и мелодия припева из песни Стиви Уандера *Pastime Paradise* (1976).

Дейзи.

Хейли и команда “Острова любви” понимали, что у них неприятности, по сравнению с которыми референдум по вопросу английской независимости – завиральная и невежественная заварушка из-за внутренних дел какой-нибудь незначительной мелкой страны на краю Европы.

“Остров любви” рисковал войти в историю не с той ноги. Все это запросто могло стать токсичным. Все серьезно. Херня сделалась нешуточной.

15. Местоимение имеет место

Запоздало навестив полицейский морг и обнаружив, что ему приходится иметь дело с убийством трансгендерной женщины, Мэтлок отправился опрашивать Роба, друга и соседа жертвы – или “мертвой пережившей”. Со времени убийства прошло уже почти двое суток, и Мэтлок очень стремился добиться в расследовании хоть каких-то результатов.

Квартира Роба находилась в четырехэтажном коридоре приземистого жилого массива государственной постройки 1970-х, расположенного посреди ходко благоустраиваемого района в южном Лондоне. То был один из последних во все убывающем множестве памятников послевоенного общественного согласия. Мэтлок не сомневался: через пять лет людей, живущих в этих квартирах, выпрут за пределы трассы M25 и будут возить на автобусах обратно в город, чтобы публика эта прибиралась в метро. За тридцать пять лет его службы в полиции, думал Мэтлок, Лондон превратился в один сплошной инвестиционный портфель.

Нажал на кнопку электрического звонка, все еще подписанного “Сэмми и Роб”, и напомнил себе, что во время беседы необходимо говорить о Сэмми исключительно как о женщине. Она была женщиной, и он собирается стопроцентно уважать это. Конечно, Мэтлок нервничал – боялся, что даст осечку и скажет “его” и “с ним” и получится ужасно неува-

жительно. Но член и яйца, которые чуть ли не прыгнули на него со стола патологоанатома, продолжали занимать много места в сознании Мэтлока. Никак не удавалось выкинуть их из головы, и по пути из морга он не раз заговаривал о Сэмми как о мужчине. К счастью, констебль Клегг была тут как тут с напоминаниями. Мэтлок изо всех сил постарается, будет постоянно себя одергивать. Он понимал, что в транс-политике гениталии никакого отношения к гендеру не имеют и сосредоточиваться на них не полагается. Сэмми была “она”, и Мэтлок собирался привыкнуть к этому – через любое “не могу”.

Вот поэтому его застало врасплох и глубоко покорибило, когда заплаканный друг Сэмми Роб вежливо, но непреклонно уведомил его, что Сэмми предпочитала применительно к себе не “она”, “ей” и “ее”, а другие местоимения – “оне”, “онех” и “онеми”.

– Но я думал, она женщина, – проговорил Мэтлок.

– Я думал, оне женщина, – подсказал Роб.

– Я думал, оне женщина.

– Оне женщина, да.

– Тогда разве ей – простите, ех – не хотелось бы обозначения как женщины? Мне казалось, в этом весь смысл и есть.

– Оне определяле себя как женщину, однако отрицале бинарное представление о гендере. И совершенно точно отрицале гендерно-специфический язык. А вы разве нет?

– Я пока толком про это не думал. Простите.

– Не извиняйтесь. Это не оскорбительно – заблуждаться, оскорбительно отказываться прислушиваться и осмыслять другие точки зрения. Но вы подумайте об этом. Это будет хорошо.

Был в Робе некий сдержанный нахрап, от которого делалось довольно-таки не по себе. Прежде чем само понятие за-тащали напрочь, это называлось “пассивной агрессией”.

– Ладно. Ага. Подумаю. Запросто.

– Сахар? – Роб наливал чай.

Мэтлок отказался от предложенных напитков, но Роб был очень расстроен и заметно веселел, когда находил себе занятие. Не дожидаясь ответа, он высыпал в обе чашки по чайной ложке сахара.

– Сэмми определяле себя как женщину, – продолжил Роб, помешивая чай с некоторой маниакальностью, словно забыл остановиться, – так же, как я считаю себя мужчиной. Но гендер – это, очевидно, спектр, а потому все текуче. Кто знает, кем мы были вчера и кем можем стать завтра? Вам разве не кажется, что язык должен это отражать? Неужели не лучше, если бы язык был гендерно-нейтральным? С одним набором местоимений для обоих родов? Иностранцам учить английский уж точно станет легче.

Роб наконец прекратил бряцать ложкой и принес чашки на стол.

– Но мне труднее отучиться, – отозвался Мэтлок. Предполагалось, что это самоуничижительная дедовская шуточка,

но Роб ее так не воспринял.

– Ну конечно, – резко сказал он, – в кои-то веки белых цис-гендерных мужчин попросили о небольшом усилии ради менее привилегированной самоопределяющейся группы. Неужели это так ужасно?

Мэтлоку не удалось сообразить, при чем вообще здесь цвет его кожи, но он понимал, что Роб расстроен, а потому бросил пытаться.

– Верно. Да. Само собой. Итак. Всего несколько вопросов. Сэмми были транс-женщиной. Не могли бы вы сообщить мне, какова была их половая ориентация?

– Мне, честно говоря, не нравятся определения типа “гей” или “гетеросексуал”. Не нравились они и Сэмми. Как я уже сказал, это все...

– Спектр. Ага. Понял, но мне нужно знать Сэмми. Я расследую ее убийство.

– Их убийство, – поправил Роб. – Прошу вас чтить их выбор. – Тут он слегка всплакнул.

– Простите. Их убийство. Мне необходимо знать об оных все.

– Хорошо. Если настаиваете на ярлыке, видимо, они были гетеросексуал.

Мэтлок *понимал*: ему следует соображать, что это означает. Понимал, что придется разобраться, что означает “гетеросексуал” применительно к женщине, которая биологически была мужчиной. Попробовал угадать.

– То есть... это означает, что их привлекали мужчины?

– Да. Если это действительно важно.

Мэтлок порадовался, что угадал правильно. Но уместить это у себя в голове ему все равно было трудно. Он знал, что следует попросту принять это: он живет в мире, где правильно называть человека с членом, которого сексуально привлекает другой человек с членом, – если один из этих людей определяет себя как женщину, – гетеросексуалом. Мэтлок предположил, что если два человека с членами, определяющие себя как женщины, вступят в половые отношения, называться такие люди будут лесбиянками. Но уверен в этом не был.

– Часов за семь до того, как Сэмми убили, у оных состоялся незащищенный анальный половой акт, – продолжил Мэтлок.

– Да, со мной, – произнес Роб, и слезы навернулись у него на глаза. – Перед тем как оне собралась уходить, мы занимались любовью.

– То есть вы состояли в отношениях?

– Господи, – воскликнул Роб, сморкаясь, – вы всё хотите запихнуть в коробочку, да? Мы были друзьями. Друзьями в самых разных смыслах слова. Чудесными друзьями, в замечательных смыслах. А теперь их больше нет! Какой-то подонок их убил. Чего же вы, блядь, его не ловите?

Действительно, чего же? А то, что совсем никаких улик.

Ни единого следа на месте преступления. И на теле ниче-

го. Никаких записей с камер наблюдения во время убийства, кроме сотен размытых фигур людей на улицах, окружающих парк. Убийце либо невероятно повезло, либо он очень ловок и чрезвычайно подготовлен.

– Мы делаем все, что в наших силах, – довольно жалко произнес Мэтлок, отхлебывая приторный чай.

И тут зазвонил его телефон. Экран сообщил, что это Дженин Тредуэлл. Мэтлок извинился перед Робом и принял звонок, ожидая очередной выплеск из-за все того же скандала с обвинением жертвы.

– Когда вернешься в Ярд, загляни ко мне, если можешь, Мик, – сказала Дженин. – Попрошу твоего мнения по одному глухому делу, на которое нас попросили глянуть. Есть кое-какое политическое давление. Хотят, чтобы мы вернулись к “Тису”.

– К “Тису”? Опять? – Мэтлок удивился. – Господи. Еще один?

Он хорошо помнил ту полицейскую операцию, состоявшуюся вслед за раскрытиями походов Джимми Сэвила в 2012 году, и знаменитую охоту на знаменитостей за их сексуальные преступления былых времен. Несколько лет назад ему казалось, что и дня не проходило без того, чтобы какой-нибудь престарелый экс-диджей не появлялся в воротах своего загородного дома, чтобы свалить все на 1970-е.

– А я думал, там уже всё. И что у нас за знаменитость на повестке дня?

– Сэмюэл Пипс.

16. Побудочка

Родни Уотсон, актер, изобразил “внимающее” лицо. Сосредоточенное. Увлеченное. Не дискриминирующее. Лицо, которое, как предполагал Родни, льстит журналистам, когда они берут у него интервью. Лицо человека, готового усваивать новое. Почтительно относящегося к уму и заслугам того, с кем человек разговаривает, кем бы тот ни был. По временам Родни удерживал такое лицо аж до сорока пяти секунд подряд, прежде чем ринуться в свой очередной десятиминутный монолог.

В этом же случае за своей спокойной ясноглазой заинтересованностью Родни еще и прятал потаенное злорадство.

Он же попросту взял да и развернул все это задом наперед. Крах карьеры, какой угробил бы кого помельче, Родни Уотсона не одолел.

Не только уже возник вчерне его новый спектакль по Пипсу “Чудовище! Суд над Сэмюэлом Пипсом”, с прицелом на масштабные гастроли, предваряющие ожидаемый *значительный* лондонский показ, но и благодаря инициативе #ПомнимИх – авторства его новой подруженьки исторички Крессиды Бейнз – Родни сделался символом “пробудности” среди пожилых мужчин. Тем самым белым стариканом-гетеросексуалом, который *прям врубился*.

В то утро они с Крессидой уже отработали вместе Радио

4 и Эл-би-си, а теперь были на ай-ти-вишной “Лоррейн”⁴⁵. Шик. Лоррейн – утренняя легенда с громадной армией тетенок в поклонницах. Родни льстил себе, что он у тетенок в чести. Они все еще помнили его возвращение в роли Хитклиффа в похотливой версии “Грозового перевала” 1990-х на Канале 4, где от него потребовалось засветить задницу среди диких болот. Программа с Лоррейн – классический шанс подтянуть тетенок на свой тур “Чудовища!”. Глядишь, для следующего своего театрального девичника провинциальные дамочки выберут его, а не “Маму”, блядь, “мию!”⁴⁶.

Лоррейн была нужна Родни, чтобы загнать эти билеты, но, по его мнению, в то утро он был нужен Лоррейн даже сильнее. Потому что, как ни прискорбно, его рьяная вторая скрипочка Крессида Бейнз на яркую телеперсону *не* тянула. *Милейшая* дама. *Такая* душка, если познакомиться с ней поближе. Но чересчур рьяная. Расслабься, бля, подруга. Она уже соскочила с темы и гнала о том, как обнаружила свидетельства участия в Битве при Гастингсе 1066 года многих-многих женщин (ну какая же чушь!), и изготавилась целиком забросить разговор о женщинах и взяться за исторически *громадное* чернокожее население Британии.

Родни видел, что Лоррейн встревожена. В новом много-

⁴⁵ *Lorraine* (с 2010) – телепрограмма на британском канале Ай-ти-ви, транслируемая в раннем утреннем эфире по будням, с ведущей Лоррейн Келли.

⁴⁶ *Mamma Mia!* (с 1999) – британский мюзикл с либретто на основе 22 песен шведской поп-группы *ABBA*, ныне международная франшиза.

канальном пространстве и одной-то скучной секунды себе не позволишь. Никакой зрительской лояльности не осталось, даже у такой всеми любимой знаменитости, как Лоррейн. Урони мячик хоть на миг – и все уже сбежали на “Канал покупок”. Пора вмешаться. Пора спасти это интервью.

– Думаю, Крессида пытается сказать вот что, Лоррейн, – встрял Родни, – и я ей очень благодарен за то, что она открыла вот этому конкретному белому мужчине-гетеросексуалу глаза, – что, подобно закону Алана Тьюринга, который совершенно справедливо и уместно амнистирует всех гомосексуалов в истории, подвергшихся уголовному преследованию⁴⁷, подобно призывам к соответствующей амнистии для наших чудесных, героических, *ярких* суфражисток, пришло время сказать: “Да! Ну хорошо! Давайте же! Амнистии – это здорово, конечно, а что же с карой?” – если мы решили отдать должное и почтить этих невинных, считавшихся преступниками. Не самое ли время применить всю силу закона против тех преступников, кого когда-то считали невинными?

Родни предполагал, что Лоррейн будет ему благодарна за эту успешную перезагрузку интервью усилиями его сочной харизмы. Но если и так, она своей благодарности не выка-

⁴⁷ В 2013 году британский криптограф и пионер информатики Алан Тьюринг (1912–1954) получил посмертное королевское помилование: при жизни Тьюринга преследовали за его гомосексуальность. В 2017 году в Британии был принят закон об амнистии всех жертв, исторически пострадавших от подобных преследований.

зала. Более того, она тут же вновь обратилась к Крессиде Бейнз. Очередной пример удушающей политической корректности: вести беседу с женщиной, даже если мужчина совершенно очевидно лучше.

– Итак, Крессиде, вы добросовестно утверждаете, что желаете полицейского преследования против Сэмюэла Пипса? – спросила Лоррейн.

– Да, желаю, Лоррейн, и мое предложение они воспринимает очень серьезно. Раз мы готовы миловать, значит, можем и карать, и я хочу, чтобы этот ужасный человек был по-смертно осужден за преступления против женщин. Живи он в наше время, он бы сидел в тюрьме, а его разоблачительные дневники изъяли бы из списков для чтения.

– Но дневники Пипса – едва ли не единственный дошедший до нас рассказ о повседневной жизни Лондона в XVII веке, – заметила Лоррейн. – Это невероятно важный исторический документ.

– Если бы Джимми Сэвил вел дневник, описывающий лондонскую жизнь в шестидесятые-семидесятые, Лоррейн, – возразила Крессиде, – сочли бы мы уместным преподавать его в школах? Чествовать его? Сомневаюсь.

– Описаний современной жизни у нас изобилие, Крессиде. А вот дневник Пипса содержит единственное прямое свидетельство Великого пожара, Великой чумы и очень много другого. Вы действительно запретили бы это?

– Я бы однозначно преподавала материал дневника в кон-

тексте того, что он был написан бесчеловечным серийным половым преступником, а не героем флота и обожаемым и почитаемым национальным достоянием.

Лоррейн, совершенно очевидно, заметалась. Понимала обе стороны этого дела. Предложение Крессиды, пусть и противоречивое, в некотором роде справедливо: Пипс вел себя как полная мразь с очень многими женщинами.

Родни ерзал. Ему хотелось продавать билеты на свой спектакль, но Лоррейн *извращенно* отказывалась впускать его в разговор.

– Вы историчка, Крессида, – продолжила Лоррейн. – Не станет ли сложнее преподавать историю, если мы начнем перелицовывать прошлое под себя? Собираетесь ли вы законно преследовать Генриха VIII, например? В смысле, мужчины теперь уже не рубят головы своим женам, когда желают с ними развестись.

– Я бы, несомненно, хотела, чтоб эпоху Тюдоров излагали с более женоцентричных позиций. Но, Лоррейн, я не требую осудить короля Генриха VIII. Да, казни Анны Болейн и Екатерины Говард чудовищны, однако они – результат положенных юридических процессов и произведены по приказу Парламента. Генрих Тюдор не сам махал топором. Моя кампания #ПомнимИх...

– *Наша* кампания #ПомнимИх, Кресси, – перебил ее Родни.

– ...скажем так, посвящена тому, чтобы поместить муж-

скую вседозволенность и преступность в исторический контекст. Я рассматриваю это как ретроспективную ветвь движения #ЯТоже. Сэмюэл Пипс расценивается как современный половой преступник. Мужчина, домогавшийся женщин и в домашних, и в служебных обстоятельствах. Более того, он оставил после себя исчерпывающее признание. Он описывает, как пальцево изнасиловал свою служанку...

– Ну, он говорит, что сунул руку ей под юбку, – проговорила Лоррейн.

– Да, я думаю, мы способны представить, что там делали пальцы Пипса, Лоррейн.

Лоррейн нахмурилась. Тема важная, однако время-то утреннее. Ей не хотелось, чтобы ее зрители представляли, что делали пальцы Пипса под юбками у служанок.

Родни тоже нахмурился. *Почему она не приглашает его в разговор?* Позволяет историчке хреновой выполнять работу артиста.

– Я желаю рассмотреть дело Сэмюэла Пипса в законном суде, – произнесла Крессида, – и я хочу, чтобы этот суд предписал ему полагающийся, пусть и умозрительный, тюремный срок. Пора нам уже оценивать былые события с других точек зрения, а не с позиций всемогущих белых мужчин. Я заручилась полной поддержкой члена парламента, представляющего Дебору Уиллет, и та от ее имени обратилась с официальным заявлением в полицию.

– Дебору Уиллет?

– Это компаньонка миссис Пипс, которой Пипс регулярно помогался.

– И которая умерла больше трехсот пятидесяти лет назад.

– Делаются ли от этого преступления, совершенные против нее, менее значимыми? Как сказал ранее Родни, Алана Тьюринга реабилитировали посмертно. Отчего же Деб Уиллет не обрести посмертной справедливости?

– Именно так, Кресси! – встрял Родни, уцепившись за эту возможность. – Пипс был чудовищем чистой воды, что я *очень* отчетливо и показываю в своем новом спектакле “Чудовище!” ...

Но Лоррейн вновь отказалась сместить беседу в его сторону. Чертовы бабы, они заодно. Ни дать ни взять секта.

– Расскажите нам о вашей кампании #ПомнимИх, Крессида, – сказала Лоррейн.

Крессида улыбнулась и вдохнула поглубже. В этом состояла ее ошибка. Тут у нас утреннее телевидение – человек человеку волк. Остановился передохнуть – не удивляйся, если у тебя прямо с языка эфирное время сняли.

Родни пренебрег Лоррейн и ринулся в бой.

– Мы обращаемся ко всем историкам – студентам, преподавателям, ученым, а также к артистам, которые, подобно мне, задействованы в исторических пьесах; к музейным кураторам, гостям музеев и библиотек... да, по сути, ко всем, кто даже просто посмотрел хоть одну серию “Полдарка”⁴⁸:

⁴⁸ *Poldark* – серия из двенадцати исторических романов британского прозаика

носите значок #ПомнимИх в память о бесчисленных жертвах бывшего насилия. Для меня как для пробужденного белого мужчины, Лоррейн, это все *очень* значимо. Это звоночек. “Побудочка”, если угодно. Возможность заново оценить и переосмыслить судьбы миллионов женщин, которые, водись у них в кринолинах мобильные телефоны или таись под корсетами “айпады”, в мгновение ока осыпали бы таких, как Сэмюэл Пипс, хештегами “ЯТоже”. Для меня это *ОниТоже*, Лоррейн, и для меня...

– Спасибо, Родни, – сказала Лоррейн, – но я бы хотела вернуться...

Да, блядь, хрен тебе, Лозза, подумал Родни. Теперь это *мой* бенефис.

– Я глубоко убежден в том, что женщина имеет право быть услышанной, – продолжил он. – Хватит уже менсплейнинга!⁴⁹ Пора уж нам, мужчинам, заткнуться к чертям собачьим и послушать в кои-то веки. Нам, мужчинам, необходимо опомниться, задуматься, завалить пасти, раскрыть ум и, так его растак, *послушать*. Необходимо усвоить уроки прошлого. И как раз для этого я поставил свой спектакль “Чу-

Уинстона Грэма (1908–2003), опубликованная в 1945–1953 (экранизация 1975–1977) и в 1973–2002 годы (экранизация началась в 2015-м и продолжается до сих пор); время действия романов – с конца XVIII и до конца первой четверти XIX века.

⁴⁹ От англ. *mansplaining* (“мужтолковывание”) – понятие, сложившееся в среде американских феминисток в нулевые, означает объяснение мужчиной женщине чего бы то ни было снисходительным тоном и в упрощенных понятиях.

довище! Суд над Сэмюэлом Пипсом”, продажа билетов уже открыта на Тикетек точка ком, и...

– Боюсь, у нас больше нет времени, – объявила Лоррейн. – После перерыва: а вы на что готовы ради пляжного бикини-тела? Поговорим с врачом и с гуру похудения. Спасибо вам, Крессида Бейнз, спасибо, Родни Уотсон. Вы нынче утром, несомненно, предоставили нам пищу для размышлений.

Одному человеку, смотревшему программу Лоррейн в то утро, пищу для размышлений предоставили совершенно точно: Рут Коллинз, театральной швее и костюмерше.

Рут все еще была в постели. Работала она по вечерам, а потому утренняя “Лоррейн” приходилась ей на завтрак. Обложившись подушками, она прихлебывала растворимый кофе и разглядывала значки на пиджачном воротнике у Родни Уотсона.

Значок #ПомнимИх. А под ним – #ВремяИстекло. И #НеОК. А потом еще один, о котором она раньше не слышала, – #ЭтотМужчинаСЛУШАЕТ.

Может, если б Родни не нацепил все эти значки, Рут и промолчала бы. Может – если б он не напирал на то, что он “пробуднутый”. Может – если б не болтал без умолку о том, что женщин нужно слушать, что обиды, нанесенные в былом, – все равно обиды.

Может быть, тогда она бы и промолчала.

Возможно, не принялась бы ворошить старые воспоми-

нения, какие обычно старалась подавлять или не замечать. Воспоминания о работе, которую она воодушевленно желала себе, – и оказавшейся адской. О работе, на которой она ежеутренне готовилась выглядеть не приятно, а бесформенно. О том, как избегать нескончаемых комментариев, произвольных прикосновений. Этот измывательский тон, едва скрытый за веселым панибратством. Работа, где ей приходилось проводить часы напролет в замкнутом пространстве с хамом, извлекавшим неисчерпаемое удовольствие, смущая и принижая Рут. Для которого существовала только одна манера держаться – манера полового хищника. И каждый взгляд его, любая реплика содержали налет сексуальной угрозы. Даже намек на физическое давление. Постоянная возможность, что придет время, и он – возможно, подвыпив, – прыгнет на нее.

Вот же забавно: она предполагала, что Родни Уотсон, наверное, считает себя просто милым стариканом. Он, похоже, не понимал, что от каждого его мимолетного полу-“случайного” касания, любого гаденького комментария или мерзкой шуточки у нее сердце колотится и пробирает холодом. А может, и понимал. Вероятно, в этом состояла половина азарта. Наблюдать, как она краснеет, зримо смущается, мучительно ищет, как защититься от его приставаний и не потерять при этом работу.

Не потерять при этом работу, которую Рут любила и ради которой три года училась. Работу, ей необходимую. Работу,

которую Родни Уотсон явно ни в грош не ставил. Работу, которую он едва замечал. Потому что не способен был видеть что бы то ни было помимо сисек Рут.

В телепрограмме Родни как-то ухитрился оставить последнее слово за собой. Даже после того, как камера уже отвлеклась от логотипа программы, перед самой рекламной паузой, голос Родни все еще доносился в микрофон прямого эфира:

– Я прошу лишь одного: давайте помнить жертв, Лоррейн, давайте *их помнить*.

Сидя у себя в квартирке, Рут Коллинз подумала, что Родни Уотсону, возможно, пора вспомнить жертв собственного прошлого.

17. Поцелуй – это просто поцелуй

Производственная группа “Острова любви” готовилась еще раз отсмотреть “тот самый” эпизод из тридцать шестой серии предыдущего сезона. Мизансцену, которую в свое время и публика, и критика восприняли как попросту фантастическую телевизионную удачу.⁵⁰

Классический вариант #Динамо на “Острове любви”. Романтическая сцена, благодаря которой, казалось бы, Джемайма – также известная как Вечная Драма – “неуязвима” перед грядущей “отставкой” в ближайшей “перестыковке”. Но все обернулось упоительно кисло, когда Кёрт в зрелищном акте предательства выбрал спасти от отставки другую девушку. Он выбрал Кристл, одну из суперспортивных “новеньких”, дерзко прошествовавших к вилле чуть раньше в тот же день, груди бугрятся в бикини, губы – на лице.

#вапщеДинамо.

Ошеломленный ужас Джемаймы, когда Кёрт произнес: “Девушка, с которой я хочу в пару...” – пауза – перерыв на рекламу – опять пауза – “...Кристл”, – стал одним из определяющих образов последнего сезона. Совершенно блистательный вариант настоящего старого реалити-телевиде-

⁵⁰ Отсылка к строке из песни *As Time Goes By* (1931) американского композитора-песенника Хермана Гапфелда, которая обрела известность в 1942 году благодаря ее исполнению в кинофильме “Касабланка”.

ния. Ради таких вот случаев многие поклонники “Острова любви” терпели нескончаемые скучные прогоны порожняка и дурацких игр с непостижимыми правилами. Абсолютная причина успеха всей программы – #Динамо. Динамо – это ДНК “Острова любви”. Плоть и кровь программы – интриганство и предательство.

Но это тогда.

А теперь – внезапно и ужасающе – все поменялось. То, что совсем недавно было “полнотой голоса”, теперь стало “чудовищной тугоухостью”.

Не с той ноги входит в историю.

Или даже чуточку домогательски вляпывается.

Ни с того ни с сего, за одно-единственное утро все проснулись и огребли последствия поста #ЯТоже для телеформата, в котором все держалось на молниеносном кадрёже.

Младшая редакторша Дейзи нервно нажала на “плей”.

На экране вновь возникла тридцать шестая серия предыдущего сезона.

Джемайма сидит с Кёртом у костра и, обливаясь слезами, осмысляет неизбежную перспективу быть изгнанной с острова. Они с Кёртом были “парой” в доме целых пять дней, но последнее время возникло некоторое напряжение. Джемайма выказывала интерес к Уаззе, внезапному новичку на острове, появившемуся в доме два дня назад, при таких бугристых мышцах плеч, что, казалось, у него бронзовый ошейник. Уазза удовлетворяет требованиям Джемаймы по всем

параметрам, и ее застукали за шепотками с другими девушками, что она была б не прочь познакомиться с Уаззой поближе.

Остальные ребята быстро доложили Кёрту об интересе Джемаймы к Уаззе (#братанкодекс⁵¹), и Кёрт должным образом офигел. Однако довольно быстро справился с этой болью и принялся отвисать с другими девчонками, и все эти девчонки, как он теперь понял, удовлетворяют его требованиям по всем параметрам, и с ними всеми он был бы не прочь познакомиться поближе.

Тем временем Уазза, поначалу вроде бы млевший в лучах Джемайминого внимания, почувствовал, что она-то удовлетворяет его требованиям не по всем параметрам, и принялся перешептываться с другими пацанами о том, что она напроць отчуждает его своей удушающей липучестью.

В буйной тепличной атмосфере виллы остальные девчонки об этом, конечно же, донесли Джемайме (#сестренкапередмальчонкой⁵²), и так Джемайма постигла, что ее решение пренебречь Кёртом ошибочно. Это решение сделало ее уязвимой для изгнания в “перестыковке с подачи мальчиков”,

⁵¹ От искаж. англ. *bro (brother) code* – неписанные правила дружеского поведения в рамках субкультуры бро, не определяемой отчетливо разновидностью мужской дружбы среди современной молодежи любой расовой или этнической принадлежности. Это понятие популяризовал персонаж американского сериала “Как я встретил вашу маму” (2005–2014) Барни Стинсон.

⁵² Этот девиз популяризирован в дамском романе американской писательницы Кейт Хоффман “Могучее семейство Куинн. Броди” (2009).

вдруг объявленной режиссерами. Вот почему она попросила Кёрта перемолвиться с ней наедине у костра, и вот так состоялась их роковая встреча.

Парочка проговорила с минуту. Они вместе постановили, что реально “врубаются” друг в друга и что, вопреки недавним колебаниям, они удовлетворяют требованиям друг друга по всем параметрам. Признали, что “чувства” друг к другу у них все еще есть и они по-прежнему не прочь познакомиться друг с другом поближе.

“Мы норм, да?” – спрашивает Джемайма.

“Ага, каэшн, а чё”, – отвечает Кёрт.

Далее Кёрт обнимает Джемайму, оплетая ее громадными мускулистыми ручищами, попутно, как мог бы заметить какой-нибудь циник, без всякой нужды шевеля шикарно очерченными, умасленными, накачанными и полностью набрякшими мышцами.

Джемайма обращает свой несусветно пухлый рот, сверкающий и лоснящийся блеском для губ, ко рту Кёрта. Губы у нее трепещут. Толстая, мясистая, сочная и влажная нижняя губа чуть оттопыривается и являет призрак безупречных зубов.

Но склоняется к ней именно Кёрт, он-то и инициирует поцелуй. Двигается как раз его голова, а не ее.

Однако затем Джемайма отвечает на поцелуй. Есть отчетливое движение ртом.

– Сучка-то работает, – произнес голос с задних рядов пол-

ностью сосредоточенной производственной группы. Хорошо поставленный голос белой девочки из среднего класса. – Сучка-то *рэботаит*.

– Ш-ш-ш! – оборвала ее Хейли. Ее всегда бесило, что столько белых детишек из закрытых школ, работающих теперь в медиа, разговаривают на эдаком приграймленном псевдомайском, но теперь это стало еще и потенциально подсудным делом. При Годни, настоящем черном человеке, белый сотрудник с претензиями на крутизну мог подставиться под жалобу на культурную апроприацию, виновной за что могла оказаться компания, допустившая это.

На экране Джемайма отворачивается от Кёрта и утирает слезу.

– Если б этот похотливый гаденыш тут и отстал, нас бы пронесло, – пробормотала Хейли.

Но Кёрт не отстает. Он берет Джемайму за подбородок и возвращает ее рот к своему.

– Он оказывает давление? – прошептала Хейли, подаваясь вперед.

– Она утверждает, что да, – ответил Дейв, нанятый для юридических дел и подобной же мути.

– Придется верить жертве, – проговорил Годни Рифмас с широченной улыбкой.

– Заткнись, Годни.

– Я просто тебя цитирую, Хейли.

На экране Кёрт склоняется к Джемайме и целует ее вто-

рично.

Сколько б ни всматривалась производственная группа “Острова любви”, никак не удавалось разглядеть, нравится Джемайме то, что ее взяли за подбородок, или ответила ли она на второй поцелуй. Ее обширная шевелюра целиком и полностью застила от камеры ее обширный рот.

– Она его не отталкивает, – с надеждой заметила Хейли, – пять секунд подряд уж точно.

Наконец Джемайма отлепляется и говорит: “Не знаю, стоило ли тебе это делать”.

Кёрт просто пожимает плечами.

Джемайма улыбается, подхватывает свой бокал с белым вином и удаляется.

Поцелуй завершился.

Дейзи нажала на “паузу”.

– Серьезно? – произнесла Хейли. – В смысле – серьезно. Вот это подставило под удар пятидесятиmillionнофунтовую мировую франшизу? Чего она к нам-то не пришла? Мы б от нее откупились.

– Может, это не игра за деньги. Может, она искренне чувствует, что ею злоупотребили, и теперь ей нужно отпустить прошлое, – предположила Дейзи.

Хейли испепелила ее взглядом.

Производственная группа “Острова любви” – не единственные люди, пристально вперявшиеся в этот отрезок записи. В то утро ее беспрестанно гоняли и в новостях, и в ин-

тернете. Полиция тоже всматривалась – в ответ на вопрос, заданный в Твиттере членом парламента от Джемайминого избирательного округа: этот парламентарий смекнул, сколько уважухи добыл себе в сети парламентарий Деборы Уиллет (1650–1678), и твитнул от имени Джемаймы #ЯГоройЗаВсехЖертв. Полиция твитнула в ответ, что они в курсе обвинений, предъявленных Джемаймой, и изучают запись в полном соответствии с регламентами, разработанными в отношении насилия и домогательств, #НулевойТерпимости и своей нерушимой приверженности принципу, что Британия обязана быть и будет безопасным местом для жизни.

В штаб-квартире “Острова любви” Хейли с трудом удавалось поверить, что все это происходит с ее великолепной, великолепной программой.

– Это же поцелуй! – вопила она. – Это же просто, блядь, поцелуй!

Но, произнося это, Хейли уже понимала, что *ей такое говорить нельзя*.

Все в комнате понимали, что *ей такое говорить нельзя*.

Потому что однажды – и не очень-то давно – Хейли в полный-полнехонький голос заявляла, что поцелуй – *никогда* не просто поцелуй.

И тогда оно так всем нравилось. Сильно. Решительно. *Неистово*.

“Вы разве не врубаетесь? – спрашивала она тогда. – Поцелуй – *никогда* не просто поцелуй. Бывают поцелуи хоро-

шие, бывают плохие, но *ни один* – не просто поцелуй. Все они связаны с согласием”.

Годы напролет Хейли шагала в какую надо ногу с историей, а теперь вот история ее обскакала.

18. #НикакихОттенковСерого

Осень 2017-го. Ого-го время жить-то. ВЫШЛО время, мужики. Время, бля, *ВЫШЛО!*

Хейли подумывала подать в “Нетфликс” проект мощного навороченного телесериала на эту тему. Чего ж не подать? Мир перевернулся с ног на голову. Кто б мог ожидать *такое?* Никто.

Внезапно мужчины, к которым всю жизнь приходилось притираться, попали под раздачу.

Задумались о своем поведении.

Пересмотрели свои привилегии.

Актеры, продюсеры, режиссеры – все сделались такие *нервные*. И произошло это буквально в одночасье. Вернулись вечером домой вразвалочку из своего мира власти и вседозволенности за здорово живешь, с привычной своей борзотой. А тут – бум! – рухнул Харви Вайнштейн, и наутро все они уже двигались крадучись, высматривая репортеров у себя за плечом. Поглядывали в интернет – проверить, не внесли ли в черные списки и их. Рылись в старых воспоминаниях и раздумывали, не придаст ли какая-нибудь коллега радикально новый оттенок давно задвинутому неприятному инциденту, который *мог бы* показаться *несколько* мутным, если посмотреть на него под определенным углом.

Добро пожаловать в мир уязвимости, мужики.

У женщин вдруг появилась какая-никакая сила. Голова пошла кругом.

И когда группа старших женщин, работающих в кино и театре, обратилась к Хейли за подписью под “декларацией о намерениях” по вопросу “повсеместных” домогательств и вседозволенности в британской индустрии развлечений, о которых, если верить этой группе, знали “все” и *от начала времен*, Хейли с готовностью согласилась.

Был подготовлен радикальный набор рекомендаций по безопасности труда в театре, кино и на телевидении. Заявленная цель рекомендаций – обеспечить безопасное рабочее пространство во всех областях отрасли, чтобы дерзкие, неистовые и бесстрашные творцы могли продолжать экспериментировать, раздвигать границы и излагать свои радикальные, освобождающие истории, получая при этом стопроцентную защищенность, заботу и удобство. Весь этот документ получил название “Никаких оттенков серого”.

Как раз на встрече, устроенной для медиа и посвященной этой смелой новой инициативе, Хейли попала в заложники к фортуне. Во время круглого стола, последовавшего за фотосессией и вживую транслировавшегося в сеть, Хейли заявила, что целиком и полностью убеждена: внятное и недвусмысленное согласие в *любых* обстоятельствах, *всегда*, в индустрии развлечений вопрос самый острый.

“Даже если это просто поцелуй, – сказала она, – это никогда не просто поцелуй. Нет никаких оттенков серого”.

Она действительно в это верила. Еще будет время разобраться с нюансами, потом, а сейчас – революция, в революции же надо прочерчивать линии фронта. В головокружительном воодушевлении тех поразительных дней Хейли, как и многие другие, убедила себя, что это законно – отбросить любые представления о соразмерности и контексте ради общенационального обсуждения, которое необходимо провести. Будь здоров какое мощное переключение скоростей. Поездка неизбежно выдастся лихая.

Апогеем того буйного года стала церемония вручения Премии развлекательных искусств Великобритании. Наэлектризованный вечер, ради которого *все* оделись в черное и белое, как и было прошено, отчетливо заявив этой ошеломительно блистательной и умной зрительной метафорой, что где-где, а в британском кино и на телевидении никаких оттенков серого нет.

Вот уж вечер так вечер выдался.

Хейли, заявленная в номинации “Лучшая реалити-программа”, уловила в зале новый дух. Шампанское, потребляемое в теплом свечении всеобщей праведности, показалось вдруг еще более пузырястым. Подносики с закусками, которые таскали по залу почти сплошь шикарные юные безработные актрисы в крошечных черно-белых платьицах, словно бы сделались даже вкуснее от осознания у евших, что вечер церемонии в кои-то веки создает нечто по-настоящему важное.

Никаких привычных для красной ковровой дорожки пересудов о дизайнерских платьях. Вместо них прозвучало несколько неистовых, сильных и бесстрашных заявлений о неистовости, силе и бесстрашии. Сверкающие вручители, и мужчины и женщины, отказались от своих обычных умильных представлений победителей в пользу ехидно-задорных комментариев о недостатке полового и расового разнообразия среди номинированных. Все эти замечания встречала радушными сочувственными аплодисментами публика, собранная из представителей ремесла, вся украшенная изящными декоративными булавками и значками.

#НикакихОттенковСерого.

Мужчины-победители поголовно держались робко и самоуничижительно, рассуждали о том, что эта эпоха как никакая другая ставит их на место, но при этом она же – и самая вдохновенная из всех, какие они знавали в профессии, а в интервью после вручения старательно избегали вопросов о том, сколько они зарабатывают по сравнению со своими партнершами по съемкам.

Женщины-победительницы в своих сказочных платьях, в которых у дам помоложе верхняя часть обычно сводилась к паре бретелек, не более, делали пылкие заявления о необходимости меньшей сексуализации молодых женщин на экране.

Сама Хейли, взойдя на сцену и держа в руках гонг “За лучшую реалити-программу”, в своем призыве к оружию оказа-

лась особенно пылкой.

“Никаких оттенков серого! – выкрикнула она, размахивая наградой. – Никаких оттенков серого!”

Взять одновременно и профессиональную, и нравственную высоту – сочетание редкое и пьянящее, и Хейли почувствовала себя царем горы.

Но теперь.

Теперь – это несколько лет спустя.

И всего одним огнеопасным постом рассерженная недо-модель и “инфлюэнсер”⁵³ Инстаграма из Эссекса мощно испоганила Хейли всю малину.

Потому что выяснилось: на “Острове любви”, при всех тамошних бронзовых телах, золотых бикини, синих небесах, зеленых холмах и ярко-розовых коктейлях, всё *исключительно* оттенков этого блядского серого. Как сериал, опирающийся целиком и полностью на флирт, сплетни, вероломство, слепую влюбленность, предательство, компромисс, постоянную неопределенность и, поверх всего прочего, #Динамо, может быть каким бы то ни было иным?

– Это же просто, блядь, поцелуй, – сказала Хейли, в который раз вглядываясь в застывшее на экране изображение Кёрта и Джемаймы, оба почти полностью обнажены, губы к губам.

– Поцелуй – *никогда* не просто поцелуй, – весело напомнил ей Годни.

⁵³ От англ. *influencer* – влиятельное лицо.

19. Насмерть знаменитый

После того как скандал, разразившийся из-за Мэтлока и его нечаянного обвинения жертвы, утих, общественного интереса к случаю Сэмми Хилл осталось немного.

Убийство женщины в парке – штука недостаточно необычная или интересная, чтобы привлечь внимание страны. Особенно в такую неделю, когда многие дюймы новостных колонок отданы кризису на “Острове любви” и яростным спорам, половой ли преступник “Кошак” Кёрт или Джемайма-Вечная-Драма – сучка-оппортунистка, запрыгнувшая на халюву в паровозик движения #НеОК, чтобы свести старые счеты. Самые душераздирающие противоречия возникли среди активисток движения “ЯТоже”: некоторым показалось, что заявления Джемаймы сомнительны, а потому чрезвычайно вредоносны для и без того деликатной темы, тогда как другие считали, будто любые обвинения в насилии равноценны и важны и никаких компромиссов при поддержке человека, пережившего насилие, быть не может.

Вторым после #НеОК в смысле популярности шел #ПомнимИх – быстро набиравшая обороты дискуссия, посвященная тому, кому из мертвых белых мужчин после Сэмюэла Пипса светит умозрительный тюремный срок за исторические половые преступления. Мэтлоку предложили присоединиться к оперативной группе, сформированной под эту

задачу, но он отклонил предложение – на том основании, что попытки преследовать покойников за преступления, которые преступлениями во время их совершения не были, для ресурсов полиции непомерно затратны.

Третьим в лидерах Твиттера был #НеСтолбиНочлегУ-Мракобесов. Этот хештег сначала шел как-то вяло, но постепенно набрал нешуточные обороты. Отвратительный опыт, полученный Фредди и Джейкобом во время их камбийских каникул по вине Джокэма и Бренды Макрун, пары христиан-евангелистов, отказавших предоставить Фредди и Джейкобу номер с двуспальной кроватью, внезапно привлек внимание страны и породил в Твиттере бурю антигомофобной ярости. Онлайн-кампания, призывающая к правосудию, получила поддержку многих знаменитостей и парламентариев, и полиция намекнула, что подумывает, не применить ли какие-нибудь меры против предприятия Макрунов. Фредди и Джейкоб намекнули, в свою очередь, что у них нет желания доводить кого бы то ни было до краха и, уж конечно, они не поддерживают многочисленные угрозы убийства и поджога в адрес евангелической пары, но на извинения все-таки рассчитывают. Макруны воспользоваться этой полуоливковой ветвью мира не смогли: то, что содомия – грех, не их *личное* мнение, возражали они, а Господне, а потому руки у них в этом смысле связаны.

Четвертая крупнейшая тема – #ПосадиПипса, своего рода вспомогательный хештег к #ПомнимИх: его запустили из

опасения, что само наказание Пипса может затеряться в общем преследовании других мертвых преступников. Каждый исторический факультет страны выдавал все новые и новые примеры и толкования ретроспективных злодейств, и #ПомнимИх расширялся экспоненциально – особенно после того, как кто-то заявил, что вся Британская империя напрямую нарушает закон о расовой дискриминации, и таким образом оказались криминализованы все до единого госслужащие, когда-либо трудившиеся на Министерство по делам колоний. К этому моменту Пипса уже начали воспринимать практически как Харви Вайнштейна движения #ПомнимИх – как одиночное потрясение, с которого началось переосмысление страной ее прошлого.

В хештеговом смысле бедняжка Сэмми даже в верхнюю десятку не пролезла.

Все, однако, изменилось благодаря новости, что Сэмми – не просто какая-то женщина, убитая в парке. Она оказалась трансгендерной женщиной, убитой в парке. За несколько лет до этого никакой разницы для общественного интереса такое не представило бы: транс-мужчины и женщины страдали и погибали анонимно, и безразличная, а иногда и враждебно настроенная пресса их не оплакивала. Но за долгий, все более накаляемый к английскому референдуму период, когда Королевство превратилось в плавильный котел групп самоопределения, боровшихся друг с другом в войне за внимание, смерть Сэмми сделалась краеугольным камнем для

негодования как прямого, так и встречного.

Все выискивали жертв.

Все выискивали козлов отпущения.

Никто, похоже, не имел желания договариваться.

Полиция не распространяла данные о гендерном выборе Сэмми. Более того, полиция пристально следила за тем, чтобы эти данные *не* распространялись. Следуя постановлениям Министерства внутренних дел, Дженин Тредуэлл, а за ней и весь ее отдел по связям с общественностью и СМИ заняли ту же позицию, что и патологоанатом Кейт. Они целиком и полностью придерживались принципа, что поскольку Сэмми Хилл считала себя женщиной, женщиной она *и была*, и больше ничего обществу знать не следовало. Любая другая позиция, по сути, равнялась бы издевательству над памятью Сэмми – вниманию к ее прошлой жизни как мужчины, а такой подход позорно трансфобен.

Помощник заместителя комиссара к подобным обвинениям был особенно чувствителен. Тяжким трудом заработанный полицией Метрополии радужный статус подставлять под удар он совсем не хотел. Помощник замкомиссара гордился тем, что после двух веков узаконенной гомофобии лондонская полиция в изумительно кратчайшие сроки стала – во всяком случае, с фасада – широкомасштабно ЛГБТК-толерантной. Никакой “Марди Гра” не казался полным без веселых фотоснимков коренастых сотрудников в традиционных шлемах-“сисях”, пляшущих с семифутовыми вер-

зилами-трансвеститами в стрингах и страусовых перьях, а также без очередного румяного да пригожего юного констебля, врывающегося в толпу, чтобы предложить руку и сердце своему возлюбленному⁵⁴.

Но теперь старое скучное “Г” в “ЛГБТК” затмили экзотические затейливые “Т” и “К” (исчерпывающее определение “К” – все еще в стадии разработки), и помощник зам-комиссара не собирался допускать, чтобы новый умильный образ полиции Метрополии рухнул из-за подозрения, что лондонские легавые относятся к Сэмми хоть сколько-нибудь не так, как к любой другой потерпевшей. Друзья Сэмми пожелали помянуть ее жизнь и установили на месте ее гибели небольшой алтарь, украшенный радужной атрибутикой, откровенно определявшей Сэмми как участницу транс-сообщества.

Помощник заместителя комиссара не сомневался, что и он сам, и полиция вообще заслужат большое признание за их похвальную осмотрительность и строго подобающее обращение с гендерным статусом Сэмми.

Он заблуждался.

Вместо всего этого он с ужасом обнаружил, что его высоко принципиальная позиция – совершеннейшая осечка. Полицию и его самого обвиняли в деятельном *сокрытии*

⁵⁴ О нескольких подобных случаях сообщала, например, газета “Ивнинг Стэндарт” в 2016 году. Лондонский “Марди Гра” (от фр. “Жирный вторник”) – однодневный весенний фестиваль-карнавал со значительным ЛГБТ-участием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.